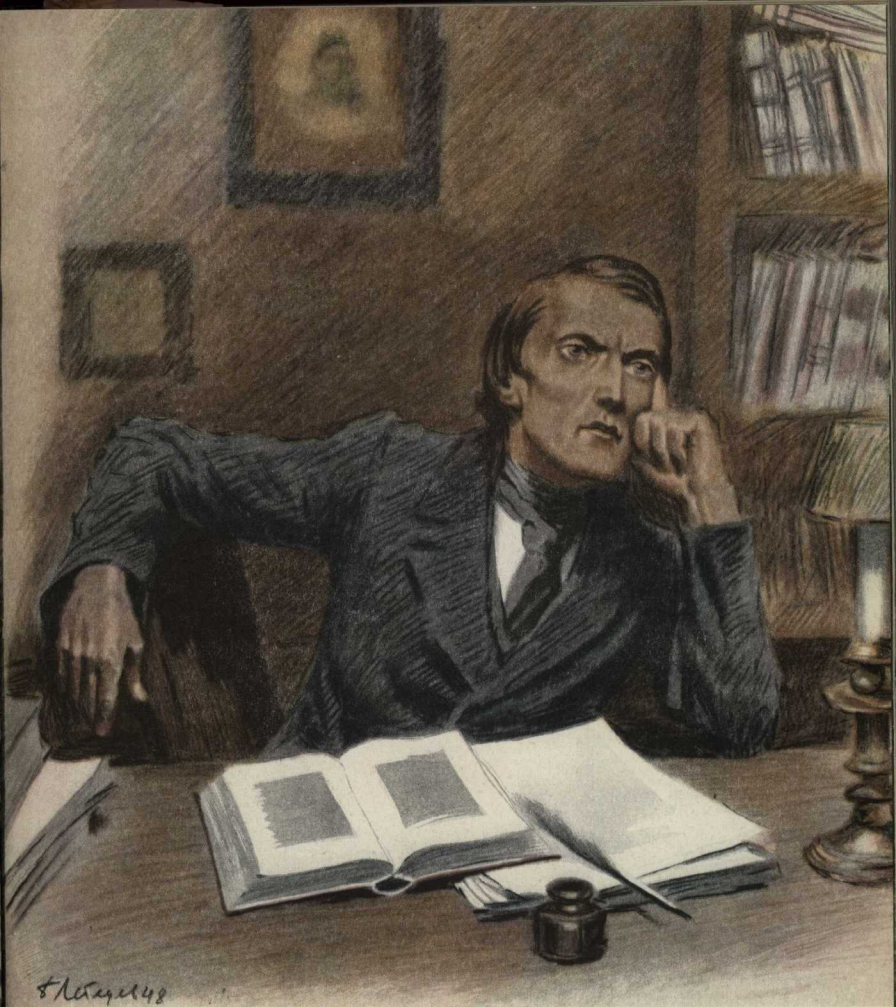

СМЕНА

10
1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«Еще добрым должны мы помнить
Тогодешнюю литературу,
У ней была задача! Нам-нибудь
Намеком натолкнуть на честный
суть
К развитию способную натуру.
Хорошая задача! Не забывай,
Я думаю,
Ты истинных светил,
Отметивших то время револю-
Балинский жил тогда...»

От этого «тогда» нас отделяет
сто лет.

Сто лет. Новый век! И какой век!
Бесновато ушла в прошлое мно-
гочисленные имена, события, книги.
Но некая давность не сотворила
Васермана Григорьевича Балинского.
Он и сейчас для нас является
современником, счастлив истинным,
добра и познания.

Жизнью своей и самоотверженной
борьбой за лучшую долю трудового
народа он звал не одно поколение
юношества к революционному обнов-
лению Отчизны.

Молодые всегда злоба Балин-
ского за его страшное слово. Нарис-
те «причинки» всячески стара-
лись отвлечь юношество, народ от
его прогрессивных идей. Вот почему
на имя Балинского и на его труды
книги его был наложен запрет. При
жизни критика и долго носил смер-
ти сочинения Балинского не издава-
лись. Его статьи и рецензии были
разбросаны по страницам журналов
«Молния», «Московский наблюдатель»,
«Отечественные записки» и «Совре-
менные», хранившиеся в архивах
библиотек. Немногочисленные номе-
ра их распространялись в револю-
ционных и студенческих кружках в
больших предосторожностях.

Первое издание сочинений крити-
ка было разрешено в 1889 году. Ре-
дактором его был М. К. Катер —
крупный общественный деятель,
лично знакомый Балинского. Это
первое собрание сочинений В. В.
Балинского, выходящее до 1925 года,
было далеко не полным. Большая
часть статей и рецензий не вошла
в него по цензурным соображениям.

В 1896 году вышло в свет четырех-
томное собрание сочинений Бали-
нского, изданное Ф. Павленковым.

Статьи еще четыре года начали
выходить лучшим из существующих
изданий под редакцией С. А. Вен-
геров.

Это издание имеет обширный ис-
торико-литературный и био-бiblio-
графический комментарий. Носитель,
XIII, том, в который были
включены вновь раскрытые статьи
и рецензии Балинского, пред-
виделся к печати в 1941 году. Он был
набран, по матрицам его набраны
в Ленинграде по утрам войны. Сей-
час этот том лишь находится в
принтстве.

Тираж всех этих дореволюцион-
ных изданий в общей сложности
был незначителен. Лишь после Ве-
ликой Октябрьской революции ис-
полнилось заветное желание Н. А.
Васермана, когда народ носил с Ва-
сера не Балинского, а Балинского и
Гоголя.

О широкой популярности Бали-
нского у советского народа вырази-
тельно говорит цифра тиража издан-
ной сочинений Балинского книги.
Только за последнее время вышло
из печати более шести изданий его
отдельных и «взранных» произведе-
ний, общим числом около миллиона
экземпляров.

Балинский и сегодня живет с на-
ми. Он вместе со всем советским
народом участвует в строительстве
социалистической культуры.

В диалоге о журналах «Вперед» и
«Ленинград» тов. Жданов говорил:
«В области литературы наша пар-
тия устала Ленина и Сталина нече-
монитом признавала огромное зна-
чение великих русских революцион-
но-демократических писателей и
критиков—Балинского, Добролюбова,
Чернышевского, Салтыкова-Щедрина,
Плеханова. Начиная с Балинского,
все лучшее представителем револю-
ционно-демократической русской
интеллигенции не признавала так
чуждого «чистого искусства»,
«искусства для искусства», и была
гипнотизирована искусством для искусства,
его высокой идеальности и обществен-
ного значения».

Картина В. Васнецова «Книжная
лавочка», 1867 год.

В магазине № 46 МОГИЗа.
Фото Г. Борисова.

«...ПРИДЕТ ЛИ ВРЕМЯ...
КОГДА МУЖИК НЕ БЛУЮЩЕРА
И НЕ МИЛЮЩЕРА ГОГОЛЯ
БЕЛИНСКОГО И ГОГОЛЯ
С БАЗАРА ПОНЕСЕТ!»

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТ

ЗАВИДУЕМ ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ НАШИМ...
В. БЕЛИНСКИЙ

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 10, 1948 год.

Год
издания
25-й

7 июня вся советская страна чувствует память великого сына русского народа Б. Г. Белинского — знаменитого критика, выдающегося мыслителя и философа, историка и публициста.

За что же советский народ будет возлагать венки на пьедестал памятника Белинскому? Какие идеи провозглашали «ненстойные Виссарионы», как называли его в своё время и друзья и широкие круги русского общества?

Белинский был одним из ранних разномысливателей, который в 30-е годы прошлого столетия выступил на защиту крепостных рабов, многомиллионного крепостного крестьянства. Выступая Белинского были не теплохладными заявлениями сытого помещика-филантропа о несправедливости крепостного права, а пленившимся протестом против унижения и гнёта народных масс. Устами героя иносюжной своей драмы «Дмитрий Калинин» Белинский заклеймил крепостников: «Кто дал... гибельное право одним людям поработать своей власти волею других, подобным им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволял им ругаться над правами природы и человечества?» Сравнивая интересы народных масс — этот демократический вдохновлял Белинского всю жизнь и внушал ему агрессию, критическое отношение и к капитализму, который он видел сам в тогдашней Европе — во Франции и Германии.

Белинский, признавая неизбежность капитализма для России, ждал другого, более совершенного общественного строя, чем строй капитализма. В статьях и письмах он бичует буржуазное равенство и свободу во Франции: «Вечный работник собственности и капиталиста, пролетарий весь в его руках, ибо тот даёт ему работу и произвольно назначает за неё плату. Этот платный бедному работнику не всегда станет на денную пину и на лохмотья для него самого и его семейства, а богатый работник собственности свой платит берёт 99 процентов... Хорошо равенство!» Белинский во время своей поездки в Париж увидел результаты буржуазного строя: «Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором, напоминало времена регента, управление царя, предавшего Францию Англии... Всё в нас мелко, ничтожно, противоречиво: нет чувства национальной чести, национальной гордости».

В 1847 году Белинский ездил учиться за границу, и в Германии его поразила крайняя бедность, рабочего населения. «Что за нищета в Германии!», говорил он, «особенно в несчастной Силезии». Здесь я почувствовал ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат».

Белинский порицал и американскую демократию за лицемерие её цивилизации, за низкий моральный уровень общества. Всё это свидетельствует о том, что взору Белинского представлялась строй более разумный и более совершенный, лучше обеспечивающий интересы и потребности народных масс, чем капитализм.

Белинский верил в светлое будущее своей родины, он питал уверенность, что Россия лучше Европы сумеет применить социализм, что она создаст могучую промышленность, высокую культуру и богатую литературу. Ещё в 1836 году он писал: «Погодите, мы будем чуждые дороги, и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится».

Белинский в 40-е годы разделял идеи социализма и соединял их с революцией: «Мешно и думать, что это может сделаться само собой: временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и это кровь, тысячи в сравнении с унижением и страданием миллионов».

Белинский в письмах к друзьям прямо говорил о революции, о том, что революционное переустройство общества совершится «обожествлением мечом слова и дела Робеспьера и Сен-Жюста». Справедливо сказал о революционном демократе А. В. Луначарский: «Да, это был критик, готовый тушить в ход критики оружие — гильотину, как инструментом критики. Он любил человечество той активной любовью, которая в определённые эпохи приводит вождя народных масс к революционным методам борьбы. Революционер жил в Белинском».

Все стороны деятельности Белинского умея пропитать этим активным, действенным и страстным отношением. Он жил в «шлуме млы, произвола и отчаяния». Говорить прямо о социализме и революции, о низвержении царя и о власти народа было нельзя. Единственным путём для выражения взглядов было литературный язык, ставший в русской литературе, о повестях и романах писателей. И Белинский сумел использовать журнал как трибуну. В литературных статьях он умея высказывать свои передовые философские и общественно-политические взгляды.

Белинский в области критики и эстетики был новатором: он создал у нас подлинно научную критику и в решении многих вопросов эстетики опередил западноевропейскую мысль.

В своих статьях он дал исторические оценки творчества Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Тургенева, Гончарова и других писателей.

«Позия Пушкина», писал Белинский, — удивительно верна действительности; изображает ли она русскую природу или русские характеры; на этом основании общий голос народа его русским национальным народным поэтом».

Роман «Евгений Онегин» Белинский оценил как «энциклопедию русской жизни».

Н. БЕЛЬЧИКОВ, профессор,
заслуженный деятель науки РСФСР

НАШ БЕЛИНСКИЙ

не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире».

Белинский сказал пророческие слова: «Придёт время, когда он (Пушкин). — И. Б.) будет в России поэтом классическим... придёт время, когда потомство воздвигнет ему вековойный памятник».

В творчестве Гоголя Белинский видел новое качество русского реализма — социальный аспект. Гоголь ввёл в литературу героев из среды «маленьких людей», установил тесную связь литературы с жизнью, с современностью.

Творения Гоголя внушили Белинскому два таких завета писателям: «Берите содержание для ваших картин в окружающей нас действительности и не украшайте, не преукрашайте её, а изображайте, только, какова она есть на самом деле; да смотрите на неё глазами живой современности, а не через закорючатые очки морали, которая была истина во время оно, а теперь превратилась в общие места».

Художественные традиции Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя великий критик сделал живыми истоками для нового этапа русской литературы, которая с 40-х годов прошлого века заняла вид утаски и ушла вглубь жизни. Заняла своё место в мировой литературе. При Белинском появились произведения Герцена, первые рассказы из «Записок охотника» Тургенева, роман «Обыкновенная история» Гончарова, глубоко демократический роман «Воскресения» Некрасова. Белинский приветствовал их и обосновал теорию нового реализма, который тогда называли «натуральной школой». Великий критик развил свои мысли об идеологии русской литературы, её самостоятельности и её дальнейшем развитии. «Один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что «чуждое» было в истории, насколько не похожая на историю ни одного европейского государства». История русской литературы. — Н. Б.), как и история самой России, не доходя на историю никакой другой литературы».

Литература русская стала зрелой, достигла огромных успехов в своём творческом развитии. «Да, мы уже имели успех, который с гордостью можем соперничать с познаниями народов Европы. Мы думаем, что причина этого явления заключается в углублении и могуществе духа народа, в сокровенном источнике его внутренней жизни», — писал Белинский.

В те же годы Белинский резко осуждал идеализм, теорию «чуждого» в искусстве. Он неслучайно говорил об общественном чувстве писателя, который должен быть патриотом, «прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы». Не менее резко отповедал со стороны Белинского встретил проповедь «фанатического» космополитизма, представлявшего русского барства, рабства, ставших переступившим чужим. Им противопоставил Белинский свой завет: «У себя, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросы и их решения... прогресс... совершается национально, иначе нет прогресса».

Белинский верил в великое предназначение своей родины. Он много раздумывал о судьбах родного народа, об историческом значении его: «Да, в нас есть национальная жизнь; мы признаем сказать миру своё слово, свою мысль; но какое слово, какая мысль... об этом пока ещё рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряжённого разгадывания, потому что само это слово, эта мысль будет сказано ими».

В последние годы жизни Белинский испытал под постоянную угрозой ареста. Командант Петропавловской крепости Скобелев, встречая Белинского на Невском проспекте, «шутя» говорил: «Когда же к нам-то? У меня совсем گوش тёпленький казает, так и вас его не берите».

Друзья с восторгом говорили о Белинском, что он революционер; а враги доносили III отделение, что «в его сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, и молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим».

Действительно, Белинский своими передовыми идеями, своим активным отношением к жизни, оказал как на современников, так и на потомков огромное революционное и творческое воздействие.

Его влияние испытали лучшие люди — культурные деятели братских народов России: казахский поэт Абай, украинские — Шевченко и Франко, грузинский — Илья Чавчавадзе, армянский — Абовян и другие.

Плодотворное влияние Белинского отмечают и лучшие представители славянских стран: болгары (П. Р. Славейков, Христо Ботев, Любен Каравелов), чехи (Масарик) и другие.

Белинский всегда был близок «к сердцевине своего народа», в чём он и стал примером его защитником и гласителем его чаяний и мыслей. В знаменитом письме к Гоголю 1846 года он выступил с требованием освобождения крепостных крестьян, то есть уничтожения крепостного права.

Белинский с его неукротимой волей к борьбе, с его непримерностью к врагам народа целом и безраздельно принадлежал нам, свободному, советскому народу.

Дом чебарского уездного лекаря Григория Никифоровича Белинского стоял в центре города, на барской площади. Сюда постоянно тинулся бедный люд: приходили за помощью горожане, из деревень привозили больных; одних помещали на излечение в баню, которая служила больницей, других исцеляли лекарями, иногда и деньгами. Помощниками лекаря были деревенские парни, «оспенники», которых присылала к нему на временное житье из каменных и помещицких сёл для обучения оспосправиванию.

Ежедневное общение с крестьянами знакомило Виссариона Белинского с жизнью народа, его интересами, радостями и горестями. С раннего детства он полюбил поэзию народных сказок и песен, любил слушать рассказы старого суворовского солдата о боях и походах.

Виссарион очень рано узнал о тяжёлом рабстве народа, о диком произволе его угнетателей. Он был свидетелем непримиримой борьбы, которая шла между дворянами и их крепостными. В памяти чебарского крестьянства ещё были живы воспоминания о Пугачёвском восстании, были ещё свежи впечатления от великого подвига русского народа, освободившего свою силу в победе над Наполеоном.

Уже в детском возрасте проявлялась чрезвычайно активная, волевая натура Виссариона, его страстная жажда правды и ненависть к лжи. В играх он перевоплощался в героев сказок и с жаром отдавался воображаемой борьбе, подвигам, совершенным с благородными целями.

Большую роль в раннем развитии Виссариона сыграл его отец. Григорий Никифорович был сыном священника. Казалось бы, что жизненная карьера его была predetermined. Но Григорий Никифорович не захотел продолжать профессию своего отца. Он окончил в Петербурге Медицинскую академию и затем семь лет прослужил военным врачом в Балтийском флоте. Здесь, в военной крепости Севастополе, родился Виссарион.

В уездной глуши Чебары Григорий Никифорович резко выделялся в среде невежественного, полного слепой и чванства помещичье-чиновничьего общества. Выделялся своим интересом к книгам, привычкой свободно рассуждать и высказывать своё мнение о таких вещах, о которых провинциальным обывателям не полагалось говорить. В своём презрении к суевериям, предрассудкам, в свободном суждении об авторитетах, отрицательном отношении к церкви и религии уездный лекарь был во многом подобен Волтеру, который был его любимым писателем.

Позтому среди первых книг, прочитанных Виссарионом, рядом с учебными «Бовою» и «Малором Георгом» были повести Вольтера.

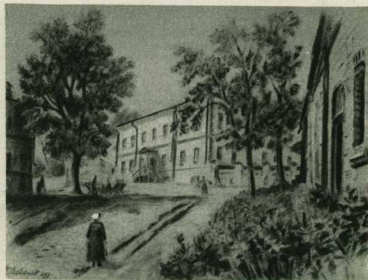
Белинский унаследовал от отца его презрительное отношение к предрассудкам, к невежественной слепоте чебарского двора.

Неизвестный Белинский, получивший отцом писателя в семинарии, по месту рождения в селе Белье, была в Белинском считалась ещё в гимназические годы.

В. НЕЧАЕВА

Юные годы

Вверху: бывшее Уездное училище в Чебару.
Внизу: пензенская гимназия.

Рисунок художника Б. Лебедева.

ринства, наклонность к высмеиванию пороков и слабостей, пренебрежительное отношение к религии. Постоянное чтение книг всё более расширяло умственный кругозор юности.

К четырнадцати годам, за время обучения в чебарском уездном училище, Виссарион Белинский прекрасно овладел русским литературой XVIII и начала XIX века. Он «знал наизусть Державина» и Жуковского. Им он пытался подражать в первых своих стихотворных опытах. Читая книги

«неутомимо днём и ночью», Белинский выписывал «в огромные кипы тетрадей» всё наиболее его поразившее. Уже в эти годы в Белинском ясно проявлялась способность творчески использовать накопленные знания, свободно располагая ими в беседах и занятиях.

И. И. Лажечников, посетивший чебарское училище и беседовавший в нём с двенадцатилетним Белинским, был поражён его исключительной одарённостью.

Осенью 1825 года Белинский поступил в пензенскую гимназию. В Пензе юноша получил возможность читать книжные новинки, которые быстрее, чем в Чебару, попадали сюда из Москвы и Петербурга. В гимназии началось его страстное увлечение поэзией Пушкина, которая открыла перед ним новый мир, заставила его пересмотреть старые литературные авторитеты. В Белинском стали созревать эстетические вкусы, литературные убеждения, которые затем привели его к журнальной деятельности, к трибуне критика и публициста. Гимназист Белинский стремился делиться прочитанным со своими товарищами. Он с восторгом горячностью высказывал свои убеждения. Убеждения эти очень скоро становились авторитетом для других, многие из которых были старше его по возрасту.

В Пензе Белинский жил с группой семинаристов, знакомых ему ещё по Чебару; это были юноши, решившие поспе окончившие семинарию идти в университет. Они мечтали о науке, страстно любили литературу и проявляли интерес к философии. Родственников Белинского, учившихся с ним в пензенской гимназии, Д. П. Иванова, так вспоминал об этом периоде жизни критика: «Совместное житьё с семинаристами было благотворно для нас во многих отношениях. Видя перед своими глазами суровую, полную патриархальной простоты жизнь этих закалённых в нужде тружеников школьного учения, умевших довольствоваться самыми малыми средствами, терпеливо переносивших всякого рода лишения при встрече с враждебной случайностью, мы сами незаметно учились безропотному перенесению житейских невзгод, мужали и крепили духом, запасались той силой, без которой невозможно никакая борьба; ни с самим собой, ни с противодействующими нам стремлениями других. Немаюмую пользу приносил Белинскому оживлённый спор и беседа семинаристов о предметах, касавшихся философии, богословия, общественной и частной жизни; при этих спорах он не всегда был только простым внимательным слушателем, но принимал в них и сам деятельное участие; от таких прений возрастала и развивалась та неотразимая диалектическая сила, которой всегда отличался Белинский и против которой, действительно, трудно было устоять».

О каких «предметах общественной и частной жизни» говорилась речь? Вспомогательная демократическая молодёжь, Д. П. Иванова нам не раскрыла, но мы можем с уверенностью сказать, что главной, основ-

ной темой этих бесед была тема, занимавшая умы всего современного общества, — крепостное право. Летом 1826 года вспыхнули сильные крестьянские волнения по всей России. Вблизи Чemberа более ста крестьян помещика Богданова объявили себя «вольными». Для усмирения их правительство пришлось ввести воинские части. В своё имение, находившееся вблизи Чemberа, был выслан под стражей налдор полиции И. Н. Гореткин, член Союза благоденствия, привлекавшийся по делу декабристов. Эти и другие факты привлекали внимание молодёжи к событиям, связанным с восстанием декабристов. Гимназисты читали «Думы» и «Войнаровский» Рылеева, «Полярную Звезду», заучивали наизусть хулающую по рукам в списках комедия Грибоедова «Горе от ума».

В стенах гимназии Белинский входил в тесное соприкосновение с детьми крепостных, но пока помещиков получающих гимназическое образование. Два года учился в гимназии Дмитрий Калинин, «сын дворового человека Егора». Потом он был удалён из неё по неизвестной причине. Но память об этом юноше глубоко врезалась в сознание Белинского и тогда, четыре года спустя, он писал своё драму, которую назвал его именем крепостного-гимназиста.

Исследователи литературного наследия Белинского давно обнаружили близость двух «Дмитрий Калинин» к книге Рылеева «Путешествие из Петербурга в Москву», издание которой было уничтожено по приказанию Екатерины. Как мог знать эту запрещённую книгу молодой Белинский, откуда получив он её список, — вот что занимало учёных. Разведанным в архивах гимназии установлено, что в одном классе с Белинским в пензенской гимназии учился Николай Каржин, воспитанник А. И. Радичева, сына автора «Путешествия». Н. А. Радичев был также писателем, биографом своего отца и издателем его сочинений. Через Каржину Белинский мог познакомиться с книгой А. И. Радичева.

Жизнь в пензенской гимназии мало чем могла обогатить познания Белинского: на уроках словесности из года в год полагалось зубрить один и те же учебники по риторике и логике и заниматься бессмысленными упражнениями схоластического характера. Антитура, совсем не преподавалась, а история изучалась по кратким и устаревшим учебникам. Остальные предметы мало интересовали Белинского. Он имел высшие отметки по словесности, истории, географии и естественной истории, средние отметки по латинскому языку и плохие — по математике. Очень характерно, что Белинский избегал обязательных уроков закона божьего и во втором классе даже написал подражание Библии, в котором хотя не пропускал заглавия по другим предметам. Он получал по закону божьему единицу «за успехи» и двойку «за повелевания».

Гимназические занятия не удовлетворяли Белинского. Все мысли его были устремлены в Москву, к университету. Зимой 1828 года какой-то нам неизвестный случай в гимназической жизни вызвал разрыв Белинского с гимназией. Он уехал в Чemberа на родину, оставив в канцелярии не вернувшись оттуда к началу занятий. Его ближайший товарищ по гимназии А. Ф. Максимов с горечью писал ему по этому поводу из Пензы в Чember: «При входе в класс, я немолдо пишу тебе и по адресу. Тебя нет более, злоба и несправедливость людей изнала тебя из гимназии и лишила одного лучшего украшения...»

Порвав с гимназией, Белинский начал готовиться к поступлению в университет. Осенью 1829 года он уехал в Москву.

Он всё тогда страстно ненавидит к тому общественному строю, в котором «одним людям дано гонимое право порабощать своей власти людей других, но другим не существует, отнимать у них священное сокровище — свободу».

В Москве ждала его жизнь, полная кипучей деятельности на благо русского народа.

Г. КУКЛИС

ЛЕНИН О БЕЛИНСКОМ

Кто не помнит ярких строк русского поэта Н. А. Некрасова:

«Привял к времени...
Когда мучил Блюхера
И не Малорада Блюхера
— Белинского и Гоголя
С базара повесят?»

Эти стихи, полные страстной заботы о будущем России, вспоминает В. И. Ленин в 1912 году в статье «Ещё один поход на демократию». Ленин писал о громадном влиянии работ Белинского на народные массы, он указывал на тот замечательный факт, что, пусть хоть на время, но на горе врагам, исполнилось страстное желание революционного поэта Некрасова. Пользуясь некоторым ослаблением царской цензуры в годы революционного подъёма первой русской революции, народ пошёл с базара книги Белинского.

«Демократическая книжка стала базарным продуктом», — писал Ленин, имея в виду распространение работ Белинского и других писателей революционной демократии в народных массах. — Темы идеями Белинского и Гоголя, которые делали эти писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку — на ус — была пропитана слюна эта прогнившая литература...»

«...Какое «беспокойство!» воскликнула молодая себя образованная, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самовольная либеральная свинья, когда она увидела на деле этот народный, несущий с базара... писмо Белинского к Гоголю?»

Ленин всегда высоко ценил революционно-демократическое наследие русских просветителей. В своих замечательных работах «От какого наследства мы отказываемся?», «О «Белых», «Планизм» Герцена и др. доказал, что это наследие по праву принадлежит революционному пролетариату.

Чтобы понять ложную оценку роли В. Г. Белинского в истории русской общественной мысли, следует вспомнить, откуда жила, творить «чужестранцу» Виссариону пришлось в глухую пору 30—40-х годов. В тех условиях литература приобретала значение почти единственного оружия в освободительной борьбе. Белинский и другие самонадеянные общественные деятели своей мыслью, явившись в условиях легальной журналистики и критики глашатаям революционно-демократического протеста. Именно потому В. Г. Белинский получил заслуженную кличку «чужестранца», что деятельность его отделила нарастающее возмущение народных масс против крепостнического гнёта.

Эту революционную сторону Белинского пытался не раз извратить буржуазия. И чем шире развивалось в России подпольное народное движение, тем сильнее третировали враги литературное наследие Белинского.

Весной 1909 года в Москве вышел сборник «Вехи». Он содержал статьи Н. Бердяева, П. Струве, С. Булгакова и других представителей контрреволюционной либеральной буржуазии, пытавшиеся опровергнуть революционно-демократические традиции лучших представителей русского народа, в том числе Белинского и Чернышевского.

В известной статье «О «Вехах» В. И. Ленин сравнял программу «Вех» с философией и в публицистике с программой черносотенцев, называя сборник «энциклопедия либеральной ренетства». Не трудно понять, что пытало клевет в творчестве В. Г. Белинского. И не случайно либеральная буржуазия до того, как она переметнулась в лагерь контрреволюции, пыталась изобразить Белинского, как и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, ложными либералами, сторонниками и наследниками либерального капиталистического пути развития России.

В. И. Ленин разоблачил всякие попытки отвлечь Белинского у русского народа, попытку извратить и оклеветать литературное наследие великого критика. В этой борьбе Ленин проводил «чужестранного Виссариона» Ленин провозгласил

рассмотрел отзывы революционных настроений крепостных крестьян, угнетённых крестьян и самодержавием. Грозя «чеховщине», В. И. Ленин писал:

«...может быть, по мнению илтых умных и образованных людей, построение Белинского к письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатами крепостнического строя?»

В. И. Ленин показал, чем страшен Белинский врагам, чем дорог он русскому народу. «Означаете ли «Письмо к Гоголю», — писал Ленин, — двадцатое итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений блестящей демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору?» В этих словах Ильича — оценка большого исторического значения литературной деятельности Белинского. Вот где источник той радости, какую испытывал Ленин, когда он видел, что обожается мечты Некрасова о проникновении книжек Белинского в гущу народа? Это а также, что идея великого революционного демократа об уничтожении помещичьей собственности, о сокращении царской власти проникают в сознание народа.

Гениальный вождь пролетариата Ленин называл Белинского одним из предшественников русской социал-демократии. В 40-х годах XIX века Белинский, естественным образом, не мог видеть русского пролетариата. Он не мог стать идеологом рабочего класса, сформировавшегося в России лишь во второй половине прошлого века. Но что же ставит Белинского в почётный ряд предшественников марксизма в России? Его беспримесная любовь к Родине и русскому народу, его страстная и непримиримая вражда ко всем проявлениям и порождениям крепостничества, блестящая критика западноевропейского капитализма и реакционного, буржуазного тосударства, жуткая ненависть ко всем врагам русского народа и непреодолимая вера в наступление социалистического строя. Ленинская оценка творческой жизни Белинского приводит к выводу, что в идейном наследии русских марксистов есть традиции, которые тянутся к «чужестранному Виссариону».

Ленин показывал в своих работах, что в русском революционном движении домарксовского периода — Радичев, Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский — основные политические и исторические деятели. Они давали вперёд русскую революционную мысль, хранили революционные традиции, несли в народ идеи социализма. Их революционные идеи, выраженные в печатном слове, в этом определённом всемирноисторическом значении русской литературы. Как нельзя являть оговорить эти следующие ленинские слова, написанные почти полвека назад в знаменитой брошюре «Что делать?»

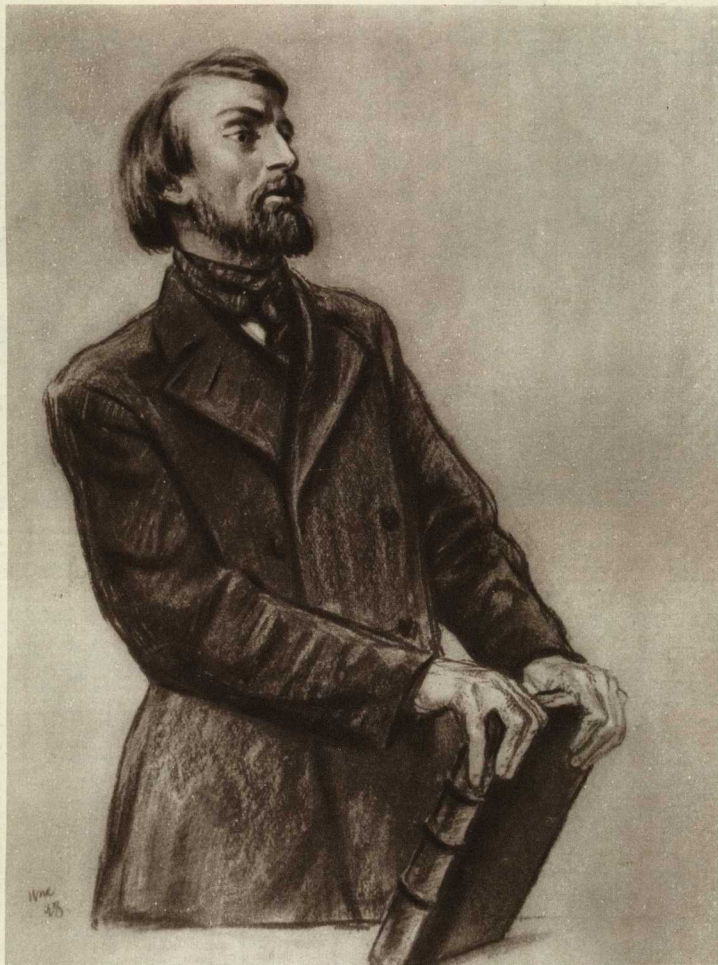
«...роль передового борца может выполнять только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь в печатном слове, в этом определённом всемирноисторическом значении русской литературы».

Так же, как В. И. Ленин и В. Сталин ставят имя Белинского в самом почётном ряду великих сынов русской нации. И тот факт, что обиль В. Г. Белинского отмечается в СССР как крупный шаг в идейной жизни всего советского народа, говорит достаточно ясно о том, как дорог Белинский сердцу советских людей. И когда в наши дни труды Белинского стали настольной книгой каждого культурного человека в СССР, мы можем с гордостью вспомнить о жите Некрасова, о существовании которой так горжало великий Владимир Ильич Ленин.

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 219.

² Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 340.

³ Ленин. Соч. Т. IV, стр. 381, 381.

Виссарион Григорьевич БЕЛИНСКИЙ.

Рисунок лауреата Сталинской премии художника Н. Жукова.

Рисунки
художника
Б. Лебедева.

Владыкино. Дети жадно слушали рассказы столетнего солдата суворовских времён.
Среди детей был и Белинский.

Чембар. Здесь, в глубине сада, в зарослях подсолнечника, он читал, читал, читал...

„Академик“

Многого довелось повидать Ивану Ивановичу.

С Наполеоном воевал, с русской армией до Парижа проёхал, письма, по оставшимся неловкими своими первыми опытами в стихах, отбирал из у кингпородацев и скитался. Слава писателя исторических романов пришла к нему значительно позднее.

В отставку вышел молодым. Перешёл на учебное ведомство. Думал, что в парткулярном состоянии молодому человеку будет меньше халяпы, а получилось наоборот.

В учебном ведомстве всюду разорение и скудость. И в Пензенской гимназии, куда назначили Ивана Ивановича Лажечникова директором, тоже худо.

Вздыхает Иван Иванович, вспоминая своё появление в Пензе — нежестокое, грязное губербское городе, где хорошо жилось только ленивому, равнодушному губернатору Лубяновскому, чиновникам акцизного ведомства да взяточникам судейским.

В Пензу Лажечников приехал под вечер. А на следующее утро знакомился с гимназией.

Ещё в передней Лажечников услышал шум и крики «у-ра!». Внезапно широко распахнулись двери, и ватага гимназистов выбежала в коридор, славя не сбив с ног Ивана Ивановича. Школьник выскочил на руках человека в вицмундире, который сам двигаться не мог в силу воздействия горячительных напитков.

— Что это? — удивлённо вскрикнул Иван Иванович.

— Потребление кока, — со смехом ответил кто-то из убежавших.

Лажечников заглядывая в классы. Всюду было безлюдно и тихо: ни одного учителя, ни одного ученика...

С первого дня оказалось много, но Иван Иванович не роптал. Дело всё же нравилось. Свою гимназию директор любил, хотя многого для неё сделать не мог.

Невеликого изживания стоила казнь пауха. Губерское казначейство давало гимназии на год три с половиной тысячи рублей, три тысячи жертвовала приказ общественного призрения. На эти мизерные деньги нужно было тянуть весь год.

Учатся плохо. К какому ученику ни заглянешь в ведомость — двойки да двойки. И этаким-так с гимназистов выкачивают всё от той же скудости занесит.

Кроме гимназии под присмотром Ивана Ивановича находились уздезные училища. Положение их было много хуже гимназии. После поездок по училищам ещё грустнее становилось на душе.

«Хорошо говорить, Михайло Васильевич», — огорчённо думал Лажечников, выходя из Пензы в Чебар. — Попробуй народить и воспитать в сей скудости и дичи уздезной Платонов да быстрых разумом Невтонов. Нет пока размах нашим Ломоносовым».

Побывал Лажечников во многих местах губернии. Нигде ещё не пришлось видеть ничего утешительного. И уж не в Чебар же, куда ехал с ревизией Иван Иванович, в этом убогом городишке, искать было этого утешительного, радующего сердце.

Бывали минуты, когда Григорий Никифорович становился непохож на самого себя. Распрямлялись нахмуренные брови, желчный и насмешливый лекарь уступал место добродушному шутнику.

— Ты слушай мать-то, Виссарион, — по-менялся, говорил он. — С меня во всем пример не бери. Водку не пей, с именитыми господами в родстве не находишь и лекарьскому делу силу не отдашь. В России только немцу-лекарю почёт, а не нашему брату...

Махнув безнадежно рукой, Григорий Никифорович задумчивым видом глядел белокую голову сына. Немного помолчал, лекарь грустно закачался:

— Худо живём, Виссарион, но не могу по-другому. Не привык хлеба насущного раба душу в грязь затапывать, а у нас этого требуют...

— Нашёда время для разговоров, — перебивала жена. — Ему в училище пора. Сегодня там реви́зоров ждуть.

Малышек внимательно прислушивался к состояниям отца, то раздражённым, то добродушно-серьёзным. Не всё в них было понятно Виссариону, но на многое они всё же открывали глаза.

Иногда, кидая брата! Не ослрамсь перед реви́зором, — проговоря сына до двери и шутливо подталкивая его в спину, говорил Григорий Никифорович. — В школе Рубашечников, наверно, давно тебя дожидается. Быть тебе, звать, битому.

Шестиоконный дом с деревянными колоннами у входа, словно в троицный день, был украшен зеленью. На крыльце училища толпились ученики.

Жалом приезда реви́зора. Смотритель училища Авраам Григорьевич Греков, вынул из кармана часы-улитку, с укоризной смотрел на учителя Лажечникова.

Выступивший из семинарии, сверконосый и еретик, Василий Рубашевский по случаю торжественного дня спозаранк приложился к «ерофеичу».

— Едет, едет! — завопил подбегавший к училищу мальчишка-дозорный.

И через минуту из-под горы донёсся звон колоколичка.

Лажечников легко, по-военному, высоко-

чил из возка и поднялся на крыльцо. Авраам Григорьевич почтительно поклонился и сказал:

— Смотритель здешнего училища Авраам Григорьевич сын Греков.

— Рад познакомиться, — отозвался Иван Иванович, пожимая руку смотрителю.

— Позвольте представить, ваше... — Греков замаялся, не зная, как ему правильно титуловать реви́зора.

— А вы без конуса, Авраам Григорьевич. Меня зовут Иваном Ивановичем. Это, я думаю, наставники ваших учеников?

Греков представил ему соборного протопопа отца Василия, преподававшего закон божий, и Рубашевского, с которого разом соскочил весь хмель.

— А ведь у вас неполадки, — неожиданно сказал Иван Иванович, оглаждая классы. — Ири́дно содержите училище.

Смущённый похвалой, Авраам Григорьевич покраснел, как девушка, и потупил взгляд.

— Ну, пойдёмте, посмотрим, как у вас науки питают копейки. Чем похвастаться можете? Кто у вас с хорошими успехами?

Надев очки, Греков разложил перед собой ведомость и назвал четырёх: Петра Семёнова, Павла Семёнова, Виссариона Белинского и Сергея Громова.

Широко расставленные глаза реви́зора осмотрел школьничков. Подумав немного, Лажечников спросил угловатого подростка, стоявшего впереди друзей:

— Грамматику российскую мы знаем?

— Знаю, — спокойно ответил подросток, глядя прямо в лицо Лажечникову.

«Смея, кажется», — отметил про себя Иван Иванович.

Говорившие-серые глаза школьника, пока он отвечал на вопросы из грамматики, продолжали пытливо разглядывать пушистые бакенбарды, пухлые и чувственные губы и продолговатый подбородок реви́зора.

— Сын здешнего городского аксака Григория Белинского, — скончавшись, шепнул реви́зору смотритель училища. — Умом преостёр. В занятиях впереди иных идёт.

— И верно, преостёр, — подумал приятно изумлённый Лажечников. — Совсем ястребок на вас вопросы бросается. Такого не сообразишь.

Когда подросток отошёл от стола, экзаменатор не выдержал. Поблизив про своё саужённое положение, Иван Иванович вскопич с места и поцеловал лекарекого сына.

— В Пензу, в гимназию тебя ждуть, — сказал Лажечников.

За успехи в науках он преподнёс Виссариону книгу с надписью. Малышка приняла её с достоинством и спокойствием, что ещё лишний раз порадовало сердце Ивана Ивановича — врага ласковой угодливости.

Из Чебар Лажечников уехал в благодушном настроении. Дорогой снова вспоминалось ему так непохожее на другие это уздезное училище и ретивый в нём сын краля молодой ястребок.

— А ведь так и будет, Михайло Васильевич, — подумал вслух Лажечников, — подумал вслух молящемуся в темноте по чьим огонькам амьской столицы...

И во тьме свет рождается и светит неугаемо. Будем зреть и собственных Платонов и наших собственных, российских Невтонов... Верю, будет так!

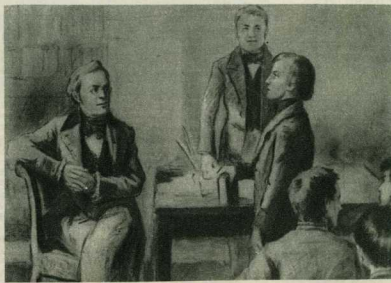

Рисунок художника Е. Лебедева.

— Грамматику российскую мы знаем!..

На рекуине

В. Г. БЕЛИНСКОГО

Фото Г. Борисова
Текст А. Одинцова

«Проклятый городишко!» — восклицал Белинский устами одного из героев своей юношеской драмы «Дмитрий Калинин». Это — не протворение! Чембар был тесен юноше Белинскому, начинавшему расправлять крылья.

Мы взяли статистические данные по Чембарскому уезду за 1905 год: «Фабрик и заводов 10 с 36-ю рабочими». Нет, Чембар сегодня иной. В нем теперь около тысячи рабочих. Здесь МТС и МТМ, электростанция и типография, маслозавод, промкомбинат и десятки артелей. Чембар также можно назвать городом школ. Училища педагогического училища, районной колхозной школы, школ механизации, трах сродни, двух семилеток, многих начальных составляют почти треть населения.

А вот и домик, в котором прошли детские годы Виссариона Григорьевича. Здесь он жил с 1816 по 1829 год. В шести небольших уютных комнатках развернут Музей. Вот прихожая, вот маленькая комнатка-буфетная, в которой помещается лишь столик и большой дубовый буфет, дальше столовая, кабинет Григория Никифоровича, светлая угловая — детская... Каждый стэнд рассказывает о жизни великого критика. И невольно в этих залах все начинают говорить шопотом, потому что здесь витает образ Виссариона. Невольно представляешь себе отца — «волнодуца и бабкожила», полного презрения к местным обывателям, мать, обремененную детьми и хлопотами по дому, представляешь живого мальчугана, вечно сидящего с книжкой.

Мы сидели в кабине самолёта и отмечали на карте свой путь. Весна была в разгаре. Небольшая, ещё заснеженная почва, обросшая лесом, оживлённые уже вскрывшимися ручьями и небольшими ручейками, бесконечная гладь чёрными с белыми остатками снега полей, с разбросанными вдоль тонких линий дорог сёлами и деревнями — все эта панорама природы средней полосы России представлялась нам с высоты птичьего полёта. Но вот внизу мы увидели две известные речки: Большую и Малую Чембар. Они будто шли друг другу навстречу. Через несколько минут полёта мы увидели, как они соединились, а у слияния на холме возникли строения. Это и был Чембар, город, в котором провёл своё детство В. Г. Белинский.

Наш самолёт сделал посадку на аэродроме, вблизи города. Первых мы встретили ребята. Юные жители Чембара стояли на мосту и деятельно обсуждали какие-то свои дела. Мы спросили, как найти домик Белинского. Нам показали, и мы направились в город, о котором великий критик писал:

«Я снова становлюсь ребёнком, и вот уже с биющими сердцам бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окружённый бравочным забором... А в доме — там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал, или не мечтал, или позднее не сочинял...»

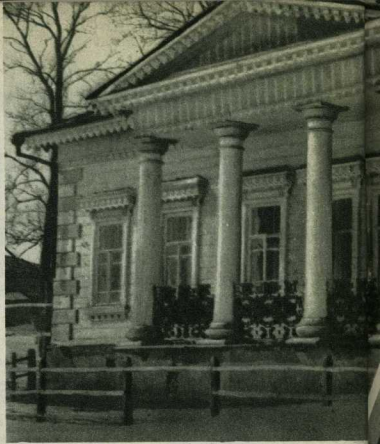

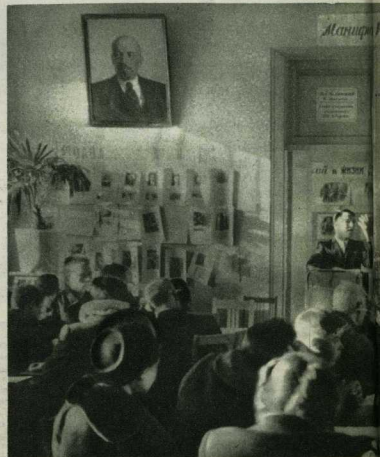
«Придет время, просвещение разольётся в России широким потоком», — мечтал Белинский. Пришло то время! В Чебаре мы побывали в районном Доме культуры имени Белинского. История этого Дома очень знаменательна. В 1911 году по всей России прошёл денежный сбор на строительство Народного дома на родине Белинского. Дом был выстроен. В нём сейчас работают кружки, а зрительном зале ежедневно кино или концерты. На втором этаже библиотека имени Белинского. Мы зашли сюда. Хорошая витрина книг и журналов, список рекомендательной литературы. На снимке: Нина Бартельева и ученицы 9-го класса Марта Волкова и Гали Анохина. На нижнем снимке: ретелиция тора в педагогическом училище. Оно занимает одно из лучших зданий города. Здесь хорошие классы, спортивный и актовый залы и даже... школа, в которой будущие педагоги проходят практику.

«Имени Белинского. Здесь его имя носит школы, библиотека, промышленные артели, клубы, колхозы. В колхоз имени Белинского мы приехали к вечеру. В начальной школе уже окончились занятия. В одной из комнат старшая комсомолка Клавдия Болотина проводила сбор пионерского звена имени Белинского. Дети пели, читали стихи. Затем заведующая животноводством колхоза комсомолка Елена Фрольцова показала нам ферму. Когда стемнело, состоялось заседание комитета комсомола. Это вы видите на снимке. На повестке дня два вопроса: об итогах подготовки к севу и о столетии со дня смерти Белинского.

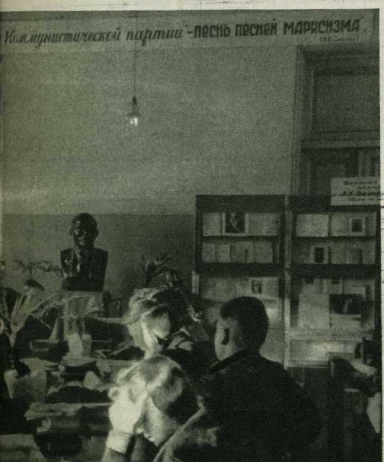
Перед отъездом мы осмотрели ещё одну мемориальную ценность города — уездное училище, в которое Виссарион поступил в 1822 году. Здесь, в этом деревянном домике, который вы видите на снимке, впервые встретились будущие друзья, двадцатипятилетний сын чебарского штаб-лекаря Виссарион Белинский и писатель Иван Иванович Лажечников, который в качестве директора училищ Пензенской губернии приехал с разведкой в Чебар. В те дни, когда мы здесь были, комнаты бывшего уездного училища были пусты. 7 июня в этом доме также будет открыт музей. Это очень правильно, что в Чебар будет второй музей. Ведь в Домике-музее хотелось бы видеть не стенды, рассказывающие о всём жизненном пути критика, а домашнюю обстановку и быт семьи Белинских.

Всего час полёта нас отделяет от Чебара. Мы прилетели в Пензу и попали «с корабля на бал». С аэродрома мы направлялись в Областную библиотеку. Здесь только что начались чтения о Белинском. Лектор С. Г. Келленко читал доклад на тему «Литературно-критические взгляды

«В этом доме учился великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский в 1825—1828 годах»,—читаем мы на мемориальной доске. Это одна из первых в России гимназий, она построена в конце XVIII века и открыта в 1804 году. С тех пор это здание внешне мало изменилось, сохранилось и расположение комнат. Здесь, в одном из классов, когда-то сидели за одной партой Виссарион и его друг, сын крепостного, Дмитрий Калинин, здесь разгорались жаркие споры о крепостном праве, о новых стихах и поэмах Пушкина. Здесь Белинский, имевший блестящие успехи по русской словесности, обучал взамен выбывшего педагога учеников младших классов. Сейчас здесь начальная школа. На фото вы видите её сегодняшних обитателей. С утра до вечера звенят ребячий голоса в длинных коридорах. В каждой комнате портрет Белинского и плакаты-витрины. Каждый малыш гордится своей школой: «В нашей школе учился Белинский».

Были мы и на выставке работ художника Б. И. Лебедева «В. Г. Белинский в жизни». Очень трудно воспроизвести через столетие живой человеческий облик. Но художнику это удалось. Мы познакомимся с Борисом Ивановичем Лебедевым. Он рассказал нам, как детально он изучал не только все известные портреты и скульптуры Белинского, не только эпоху, с её архитектурой, костюмом: он, как истый литературовед, рылся в материалах пензенского архива, в старых журналах, отыскивал интереснейшие высказывания современников Белинского, он объединял все нити жизни и деятельности великого критика. Труд художника дал замечательные плоды.

В. Г. Белинского». В эти дни чтения о Белинском можно застать во многих залах города. Студенты, учащиеся старших классов, молодёжь фабрик и заводов, комсомольский актив с большим интересом посещают лекции, сами выступают в институтах, школах, в цехах с докладами.

БЕЛИНСКИЙ И ЗАПАД

Великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский жил и творил в тяжёлую эпоху крепостного права 30–40-х годов прошлого столетия. Он выступил после подавления восстания декабристов, когда патриот из них был повешен, а многие сосланы на каторгу. Николаевский режим торжествовал победу, но эта победа была временной. В народе зрела мысль о свободе, росла и крепла мечта о свержении крепостного гнёта и самодержавного режима. Историческая заслуга Белинского состоит в том, что он явился одним из первых зачинателей революционно-демократического движения в России и оказал огромное влияние на передовых деятелей своего времени и последующих 60-х годов, пробуждая политическое самосознание в народе и воспитывая молодое поколение в революционном духе. Его интерес к литературе определялся тем огромным значением, которое она имела для общественной жизни. Только в одной литературе, как указывал сам критик, несмотря на «атарскую» цензуру, выражалась народная жизнь и движение вперёд. Поэтому, что литература критик в таких условиях становилась для него могучим средством пропаганды революционных идей.

Белинский, страстная натура бори, сконцентрировала в себе и ярко выразила с большой силой и проникновением глубокие мысли и свободолюбивые настроения русского народа. Борьба против крепостного строя и самодержавия была смыслом всей деятельности великого критика. Он пропагандировала идеи материализма и социализма, ратовала за установление демократической народной республики, крепко верил в то, что только при социализме наступит равенство и счастье для трудового человека, только при социализме улучшится материальное благосостояние народа. Разрешая эти важнейшие вопросы, великий демократ отходил и на тему о Западе. В период 30–40-х годов XIX века эта тема волновала передовых русских деятелей в связи с вопросом о развитии России, в связи с обсуждением того, как и по каким путям идти развитию страны. Среди передовых интеллигентов-дворян не было сепарных поколений Западу. Они рабски копилировали дворянско-буржуазную культуру, высокомерно и презрительно относились к своей стране, к своему народу и культуре, созданной на родной почве. Белинский как истинный патриот не мог пройти мимо этого позорного явления и уже в первой статье «Литературные мечтания» поставил вопрос о самостоятельном национальном развитии русской культуры, созданной нашими трудами, взращенной на родной почве. Он тогда уже мечтал о создании великой русской литературы, которая приобретёт всемирное значение. «Мы будем иметь свою литературу», — писал критик, — явился не подражателями, а соперниками европейцев.

Статьи Белинского дышали благородным негодованием против тех людей, кто не верил в творческие силы своего народа. Как истинный патриот, он неустойно подчёркивал, что Россия должна развиваться «самобытно из самой себя». Он говорил, что давно пора «перестать восхищаться европейским потому только, что это не азиатское». Он резко осудил своего друга, писателя и публициста В. П. Боткина за рабское поклонение перед Западом: «Боткин съездил в Европу и познакомился с нею, как скот: заразился европейским рабством».

К буржуазной Европе и Америке Белинский относился отрицательно. В статье «Ничто о ничём» за 1855 год он говорил о ложной американской буржуазной демократии и ничтожности её буржуазной культуры. Он писал: «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие... Я презираю это благоденствие, я не уважаю этой цивилизации, и я верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна».

Из высказываний В. Г. Белинского

«Я натура — русская... Не хочу быть даже французом, хотя эту нацию люблю и уважаю больше других».

«Русский народ, богатый элементами разума и эстетического чувства, в то же время отличается необыкновенною сметливостью, практической деятельностью ума, остроумием, аналитическою силою рассудка».

Русский народ «ожидает ещё более великого, более славного будущего».

«Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому».

«Да, в нас есть национальная жизнь — мы призваны создать миру свою слов, свою мысль... Это слово, эта мысль будет сказана нашими внуками и правнуками».

Хотя Белинский и видел, что капитализм неизбежно будет развиваться в России и придёт на смену крепостническому строю, но не переставал говорить о том, что этот строй ни в интересах трудового народа. В речении из сочинения В. Ф. Одоевского он писал об ужасах царствующей в Европе нищеты, писал о страшном положении рабочего класса, умирающего с голоду в кроважидных, разбойничьих котлах фабрикантов и разного рода подрядчиков и собственников. «Да, ужасы в нравственном отношении состоянии современной Европы», — заключал критик.

Эти мысли нашли дальнейшее развитие в рецензии на роман Эжена Сю «Парижские тайны». Критик беспощадно разоблачал буржуазия, показывая картины разврата и преступлений в буржуазном обществе, где высшим, универсальным мерилом гения и таланта стали деньги. Он раскрывает бесправное положение французских пролетариев, на которых собственники смотрели, как на танцующих на негров.

Белинский демократ видел, только один выход из тяжёлого положения — выход в революцию и социализме. «Я сказал», — писал он Боткину в декабре 1847 года, — что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Да них война или мир значат только возмещение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят. Горшесть есть существо по натуре своей плохое, дрянное, низкое и презренное... Он спринер зверь, неустойчивые смерти, он ползает всеми средствами: детей заставляет гибнуть в работе на себя, присаживает промашки, терпит голодную смерть (т. е. сётом его голодом, по выражению одного русского помещика, с которым я встретился в путешествии), снимает за дог рубище с нищего, пользуется развитием, служит ему, и богатеет от бедности».

Гниющему буржуазному Западу он противопоставляла здоровые революционные начала русского народа. В беседе с профессором Грановским он с гордостью говорил, что Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос и покончить с капитализмом и собственностью, чем Европа. Хотя социализм Белинского носил утопический характер и он не мог видеть внутри капитализма тех движущих сил, которые могли привести к свержению буржуазии, но он считал, что переход к социализму осуществится не мирным путём, путём пропаганды, а придёт только через переворот, через революцию. Он верил, что русский народ, освободившись из-под гнёта крепостного рабства и самодержавия, создаст свободное государство, которое займёт руководящее место среди государств мира. «Завидую внукам и правнукам нашим», — писал он, — которым суждено видеть Россию в 1940 году, — стоящую во главе образованного мира, дающего законы и науку, и искусство и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества».

Полтерпевание своей веры Белинский находил в талантливости, смеюности и героизме русского свободолюбивого народа. «Я душевно люблю русский народ, признаюсь сам — и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе».

Как истинный патриот и революционер-демократ, он радовался успехам своего народа и его литературы. Горячей любовью к своему народу и русской литературе овеяны его статьи о Пушкине, Гоголе, Аполетовом, Кольцовом, Горьцеве, Тургеневе. Он приветствовал всемоу дарования, видя в них отражение талантов своего народа.

Наш советский народ глубоко хранит память о Белинском — великом патроне и предшественнике коммунизма в России.

«Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа».

«...Все великие перевороты и испытания судьбы только обнаруживают великий характер русского народа».

Россия — «земля юная и мощная, кипиющая умами и талантами».

«Может быть, назначение нашего отечества, нашей великой Руси состоит в том, чтобы слить в себе все элементы всемирно-исторического развития...»

«Я душевно люблю русский народ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе».

В. Г. Белинский

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЯКА

Комсомолы и молодежь Пензенской области деятельно готовятся к 100-летию со дня смерти своего славного земляка Виссариона Григорьевича Белинского.

Для глубокого изучения и популяризации творчества замечательного мыслителя в городе Пензе горком комсомола организовал для студентов, учащихся и комсомольского актива чтения о жизни и деятельности В. Г. Белинского.

Чтения о Белинском организованы также в Чебарском, Б. Демьяновском, Вадинском, Н. Ломовском и Пачелмском районах. Лекции, доклады и вечера, посвященные памяти Белинского, проводятся в школах, на предприятиях и в учреждениях Пензенской области.

Комитет комсомола Пензенской области педагогического института организовал студенческую научную конференцию, драматический кружок подготовил отрывки из драмы В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин». 150 студентов-докладчиков выступили с лекциями о Белинском среди населения.

Учащиеся Пензенского художественного училища оформили альбом о жизни и деятельности Белинского, собрали его высказывания о родине. В училище объявлен конкурс на лучшую композицию о Белинском.

В областной библиотеке имени Державина открылась выставка рисунков пензенского художника Б. И. Лебедева «Белинский в жизни». На 69 рисунках запечатлены различные события из жизни великого критика. Такая же выставка организована и в Чебарском музее имени Белинского. Выставки привлекают много молодежи.

Областная библиотека имени Белинского подготовила к числу читателей 37 докладчиков, которые читают лекции о Белинском в общежитиях молодых рабочих, студентов, учащихся школ ФЗО и РУ, на предприятиях и в учреждениях. Детская библиотека №1 города Пензы организовала книжную выставку для детей. Более пяти тысяч молодых рабочих побывали на лекциях о Белинском во Дворце культуры имени С. М. Кирова. Коллекция художественной самодеятельности двора подготовила к городскому смотру художественной самодеятельности литературный монтаж «Неизвестный Виссарион».

В подготовке к смотру художественной самодеятельности, посвященной памяти Белинского, участвуют 320 различных кружков и коллективов.

Комсомолы и молодежь Пензы благоустроят свой городской парк культуры и отдыха, который носит имя Белинского. Комсомольцы промышленных предприятий строят в парке аттракционы, карусель, колесо обозрения, школьники высаживают 3 тысячи кустарников.

Еще с осени 1947 года началась подготовка к знаменательной дате на родине Белинского — в городе Чебарове. Во всех колхозах, совхозах, МТС Чебаровского района силами докладчиков РК ВЛКСМ, учителей, рабочих проведены беседы, доклады и лекции о жизни замечательного земляка.

Почти во всех школах, клубах, избах-читальнях и учреждениях города Чебарова комсомолы и молодежь устроили фотостанки, рассказывающие о Белинском. Красочно оформили клуб в колхозе «Комбинат Кривокосского сельсовета. В клубе открыта библиотека, укомплектованная из книг, собранных комсомольцами и молодежью.

В школах района прошли пионерские сборы, комсомольские собрания с докладами на тему: «Белинский в Чебарове», «Белинский в Пензе», «Белинский о молодежи».

Пионеры Чебаровского, Каменского, Чапаевского и других районов готовятся к районным пионерским кострам, которые будут проведены в памятную дату 100-летия со дня смерти Белинского.

Дом Варьина на Тверской (ныне улица Горького), где Белинский жил в 1834 году.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Рисунки и текст художника Б. ЗЕМЕНКОВА.

В сентябре 1832 года Белинский покинул стены университета. Он оказался в буквально смысле слова на улице.

Для юноши начались годы скитаний по дешёвым квартирам Москвы, поныне грошовой убогой и мелкой журнальной работы. Лишь в 1834 году Белинский почувствовал себя более или менее устойчиво на ногах. Сближившись с профессором Надеждиным, издававшим журналы «Гласный» и «Молва», он делался его постоянным сотрудником. Живя и теперь на Тверской улице, — писал в эти годы Белинский, — почти против дома генерал-губернатора, в мезонине, который составляет собой 3-й этаж огромного дома Варьина...

Дом Варьина до нас не сохранился. До реконструкции улицы Горького он занимал пространство от площади Моссовета до улицы Невирова-ча-данинское.

Жизнь центральной артирии Москвы проходила здесь перед глазами Белинского. Начавшаяся работа в «Молве» и «Гласном» обещала ему материальную устойчивость. «Я мне себя от восхищения, что назвал квартиру, — писал он матери, — ...теперь и начинаю дашать пособие, начинаю отдавать от тиселной ноши горестей и безвременных бед...»

Старые фотографии, чертежи этого дома в Строительном архиве Москвы дали мне возможность проследить историю этого строения и восстановить его в том виде, каков он был, когда здесь жил великий критик.

В 1836 году за публикацию «Философического письма» Надеждина журналы Надеждина были закрыты. Белинский вновь скитается по московским трущобам.

С таким-то днем всё труднее становится найти в Москве литературную работу. В 1838 году издатель Стефанов привлекает Белинского к руководству выпускаемого им журнала «Московский наблюдатель». Но дела журнала идут плохо, и Стефанов задерживает даже ту скудную плату,

которую обещался платить. Ассаксов устраивает Белинского учителем в Московский институт, где Белинский получает квартиру с «дровами и свечами казёнными». Однако в Петербурге не утверждён Белинского в должности учителя русского языка, и он вынужден покинуть и этот кров.

Всё чаще Белинский задумывается о переезде в столицу. С Горьким он пишет Паняну: «...в Москве нечем мне жить: в ней, кроме любви, дружбы, добрососедности, нищеты и подобных тому непитательных блюд, ничего не готовится. Мне надо ехать в Петербург. В апреле 1838 года Панаяв приезжает в Москву, откуда уезжает в октябре вместе с Белинским, получившим через него предложение вести критический отдел петербургского журнала «Отечественные записки»...

Спустя четыре года Белинский посетил Москву. Но приезде в город он первым делом навестил Герцена в его усадьбе Покровское-Засекино. Покровское-Засекино — одна из ценнейших подмосковных усадеб. Вернувшись из ссылки, Герцен жил здесь в 1843—1844 годах и работал над своими замечательными «Письмами об изучении природы». Грановский, друг Герцена Кетчер, великий мастер Шенкин, Корни были обычными гостями Покровского.

Время измерения жизни здесь. Не сохранились строения фабрики купца Малькова, упоминаемые Герценом; нет пруда, описанного в «Былом и будущем», на холме, перед которым стоит усадебный дом; сильно поросли леса, где так любил собирать грибы Шенкин, уходив ещё с ночи с фонарём.

Но приехав в эти места и бродя здесь с томными воспоминаниями современников, внимательно читаясь в их описания, разросшаяся старожилым, и смог воссоздать облик этой замечательной литературной усадьбы в том виде, в каком её видел Белинский.

Покровское-Засекино, подмосковная усадьба Герцена, где в 1843 году В. Г. Белинский посетил А. И. Герцена.

В МАШИНЕ УНИВЕРСИТЕТЕ

Август 1829 года подвлек к коучу. Дни стояли ясные, солнечные. Высоко в воздухе носились тонкие серебристые паутинки. В один из таких дней по Коломенскому дороге в Москву медленно тащился вагон, в котором сидели два забывчивых пассажира. Один из них был пожилей, а другой ещё совсем юноша. Пожилей бездумно глядел в сторону приближающейся заставы, а заостренный взгляд юноши был устремлён вдали, где на солнце поблескивали купола московских соборов и многочисленных церквей.

Воспит и заставу Чинчиков лениво посмотрел ласково и снова потонул:

Второй?

Старший смутился: юноша не имел при себе никаких документов.

— Это... это мой лакей.

Глаза юноши блеснули пелюстрой осыном,

но старший приказал идти к лошадам.

— Имя? — монотонно спросил юноша.

— А имя... Виссарион, по фамилии Белин-

ский...

Родителя Белинского, прожывая сына в далёкий путь, полагал, что самым необходимым — метрическим свидетельством. Юноша хранил при себе два рекомендательных письма: одно — от своего учителя Попова к писателю Лавжинскому и другое — от знакомого помещика к генералу Дурасову.

В Москву он счастливо достиг мечтой — поступить в Московский университет.

31 августа 1829 года Белинский направился к ректору. Дрогнуло сердце, когда он переступил заветный порог: «Примут, откажут?» Ректором Московского университета в то время был профессор Давыдовский — грубый и несконтактный человек. Студенты не любили его. Ректор не принял прошения без приложения метрического свидетельства.

Начались томительные дни. Белинский послал в Чебар письмо за письмом с просьбой, чтобы ему немедленно выслали необходимые документы.

«Моя обязанность в самом худом положении, принос просьбу и искренне надеюсь, писал он родителям. — Надежда потеряна совершенно. Но я в Чебар не подаю... Не хочу быть предметом посещения моего города и по возможности соглашусь умереть с холоду и голоду среди московских улиц, лишь бы прийти милому роду по оканам, нежели ехать к вам в Чебар».

Через две недели Белинский получил долгожданное свидетельство. На другой же день он снова был у ректора. После многих дней волнения, связанного с ожиданием ответа и экзаменами, Белинский подакнул, наконец, с облегчением: он студент Московского университета.

Юношу особенно радовало то, что он «этому обзавел не покровительству и стараниям коучибу, а собственно самому себе».

Отец Белинского не имел средств содержать сына, и, кроме наставлений, почти ничего не высылал.

25 сентября 1829 года Белинский поздал прошение принять его на казённое содержание. Ответ на просьбу оказался только в декабре, а до этого времени приходилось перебиваться коучем. Наступила тяжёлая пора.

Университетский статус упрощал, чтобы студенты носили форму. Поэтому приходилось издаться, брать уроки, зарабатывать не только на питание и квартиру, но и на общеустройство.

Некоторые материальные лишения, однако, не погасили пламенных мечтаний юного гугиона. Белинский скоро становится заметным в студенческой среде.

Московский университет в 20-х годах прошлого столетия был не только колыбелью русской науки, но и центром самобытности. В стенах бурно кипела умственная жизнь молодой России.

Жизнь студентов очень часто развиртывалась в многочисленных студенческих кружках и в комнатах общежития. Студенческий состав университета был тогда чрезвычайно пёстрым. В основном это были дети состоятельных дворян и чиновников, но были также и выходцы из разночинцев.

Моделью быстро сходился друг с другом.

В кружках формировались литературные и философские взгляды будущих политический и общественных деятелей молодой России. Ещё свежа была память о декабристах.

На студенческих лекциях читались стихи Рылеева и Пушкина. Невольно крестному праву и к самодержавному произволу возмущала юны переломы молодежи, заставляя искать путей обновления страны.

Мировоззрение Белинского формировалось в этой кипучей атмосфере. Роль студенческих кружков и участие в них Белинского до сих пор мало изучены. Большинство старых исследователей начинало философскую биографию Белинского с кружка Станкевича. Предполагалось, что в 1833 году Белинский вступил в кружок Станкевича и здесь быстро познал все тайны философии и эстетики. Архивные материалы, меццеры современников, наконец, личные письма великого критика показывают, что его литературный и философский становление началось ещё задолго до вступления его в кружок Станкевича.

Белинский принадлежал к разряду казённо-коштных студентов, то есть находившихся на казённом содержании. По своему положению казённокоштные студенты считались друг с другом, часто вечерами они вели оживлённые споры по вопросам жизни, философии, эстетики и политики. Особенно бурные споры возникали по поводу статьи, опубликованной в 1828 году в 1-м номере, где жил Белинский, что Устро Станкевича и здесь быстро познал все тайны философии и эстетики. Архивные материалы, меццеры современников, наконец, личные письма великого критика показывают, что его литературный и философский становление началось ещё задолго до вступления его в кружок Станкевича.

Белинский принадлежал к разряду казённо-коштных студентов, то есть находившихся на казённом содержании. По своему положению казённокоштные студенты считались друг с другом, часто вечерами они вели оживлённые споры по вопросам жизни, философии, эстетики и политики. Особенно бурные споры возникали по поводу статьи, опубликованной в 1828 году в 1-м номере, где жил Белинский, что Устро Станкевича и здесь быстро познал все тайны философии и эстетики. Архивные материалы, меццеры современников, наконец, личные письма великого критика показывают, что его литературный и философский становление началось ещё задолго до вступления его в кружок Станкевича.

Вскоре Белинский завёл дружбу с другими выдающимися студентами. 11-й номер становился местом литературных, философских и политических дискуссий.

Студенческая жизнь дала обширный материал для политических размышлений и проектов. Порядки в университете были жестоки. Вспомнил о своём первом ректоре, министре. Карьер, слеза в солдаты, а то и арест были явлениями нередкими. Часто действия университетских властей вызвали резкие протесты со стороны студенчества.

Пылкий Белинский и здесь выступал в порывах. Друг Белинского и участник «Литературного общества 11-го номера» Прозоров рассказывает, как один студент за самовольную отлучку был посажен в карцер. Студенты потребовали освободить товарища, но ему отказали. Из карцера Белинский вырвался. Белинский и Чистяков собрали большую часть студентов в круглую залу и потребовали инспектора. В результате студент был освобождён.

Горючие Белинского, его неприятие к произволу очень рано обратили на себя внимание университетского начальства. За Белинского сидели, его держали на примете. Об этом красноречиво говорит один факт. Летом 1830 года Белинский едет в родной Чебар. Возвратился он с колымскими ополчениями. Студентам это сходило благополучно, но для Белинского дело чуть было не обернулось исключением из университета.

Как только Белинский приехал, ректор приказал его в правление и начал бить. Белинский, кто и поздно возвратился. «Заметьте этого молодца, при первом случае его надобно выгнать», — сказал ректор в заключение беседы.

С этого дня пребывание Белинского в университете, что называется, нисколько не возмущало его, но нестерпимый поступок его мог подвезти за собой исключение из числа студентов.

Случай, которого с таким нетерпением ждало начальство, чтобы не застыть себя ждать. В 1830 году юноша закончил работу над трагедией «Дмитрий Калинин». Писатель Лавжинский и другие по «Литературному обществу» предупредили его, чтобы он не показывал никому своего произведения. Несмотря на эти дружеские предупреждения, Белинский представил трагедию в цензур.

Можно представить, как орозовало начальство, получив крошечную пьесу. Тут немилость вое основания расправиться с автором произведения, в котором «во всем жаром и страстью, пламенней любовью к истине, со всем негодованием души, невиданнейшей несправедливости... в картине довольно жалкой и верной автор представил нравственные пороки, присвоившие себе библейское и несправедливое право мучить себе поблдох...»

Через неделю Белинский пришёл в Цензурный комитет. Спросил секретаря, чтобы он выдал ему его трагедию. Секретарь вместо ответа победил к ректору:

«Иван Алексеевич! Вот он, вот господина Белинского».

Трагедия молодого автора была признана безразличной. Бесстыдный университет. Ректор предложил ежемесячно подвзать, особые доносения о поведении Белинского.

Почему так сильно возмущало начальство? Трагедия Белинского явилась выдающимся достижением молодой литературы. Юноша автор «Дмитрий Калинин», но и всей передовой демократической молодежи. Главнейший герой произведения — Дмитрий Калинин — о особенной страстности ненавидит крепостничества, честности, вынашивая с ним несправедливости, издевательств помещиков над крепостными, сильных над слабыми.

Герой трагедии выступает против гнусных крепостнических порядков, приносящих человека до животного. «Нужели эти люди для того существуют, чтобы служить добычей для притокиты таких же людей, как и они сами?» — спрашивает он.

Устами героя говорит закрепощённое крестьянство, гнев которого питает его благородный пафос.

Глушый, обличительный пафос трагедии вызвал бурные восторги молодых друзей автора. Один из участников кружка, Аргуславяев, вспоминает:

«Белинский читал все эти сцены с большим увлечением, и чувствовал по тому времени весьма редким энтузиазмом на страсти являющийся».

В трагедии содержится отзвук декабристских идей и особенно влияние волюнтаризма стихов Рылеева. В одном из монологов Дмитрий разражается такой репликой: «Ищешь друга, которому бы можно было доверить душу... Находишь один бесчестнейший трушья. Эти реплики очень напоминают нам стих Рылеева: «Ищешь сугнлых людей, а находишь трушья хладные». Автор выступает против учения оспори о хушеством торшении как учения, удобного для рабовладельцев.

Держать в среде студентов неблагонадежного в политическом отношении молодого человека, конечно, не захотели. Принадлежность к тому, что Белинский написал, не посылал ряд лекций, ректор в сентябре 1832 года исключил его из университета по слабости здоровья и «по ограниченному способностям».

Формировка была так недела, что она вызвала возмущение студентов, хорошо знавших Белинского как одного из самых умных и даровитых студентов.

Но исключение из университета было не концом трагедии.

В 1834 году, выступая на поприще критики, Белинский являл трибуну, с которой мог повести атаку на самодержавие.

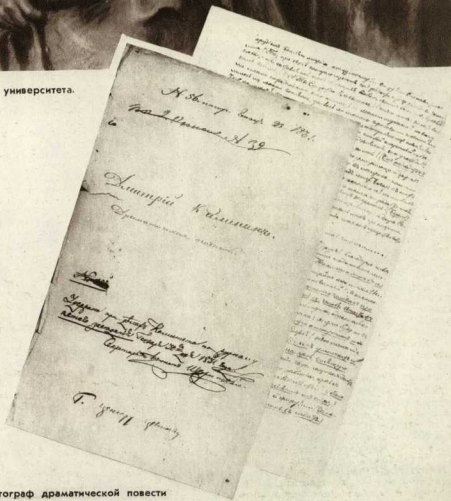
Закрепощённый народ глухо возмущался, частые бегства восторженно встречали, но недовольство Белинский стал голосом, закрепощённого народа, выразителем его дум и чаяний.

В. Г. Белинский — студент словесного отделения Московского университета.

Белинский был особенно любим...
 Молясь твоей многострадальной тени,
 Учителя! Перед именем твоим
 Позволю смиренно преклонить колени!
 В те дни, как всё коснело на Руси,
 Дрема и рабленства позорно,
 Твой ум кипел — и новые стези
 Прокладывал, работая упорно...
 ...Ты нас суманно мыслить научил,
 Едва ль не первый вспомнил о народе.
 Едва ль не первый ты заговорил
 О равенстве, о братстве, о свободе...

Н. А. НЕКРАСОВ

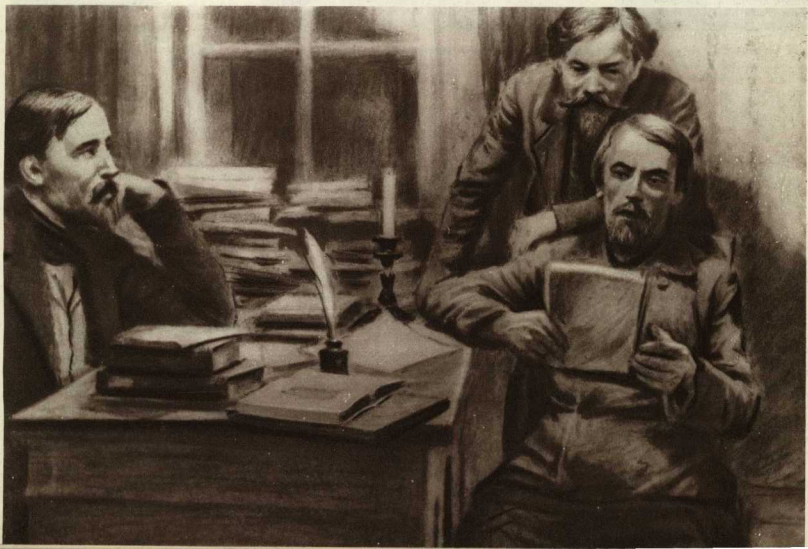
Автограф драматической повести
 «Дмитрий Калинин».

Рисунки
художника
Б. Лобедова.

«Есть статья Белинского!» — таким восторженным возгласом встречала молодёжь каждую рецензию критика, появлявшуюся в журнале «Отечественные записки».

В редакции «Современника», Слева направо: Н. А. Некрасов, И. И. Панаев и В. Г. Белинский.

Лето в Зальцбрунне

К. ОРЕШИН

В июне 1847 года на улицах силезского городка Зальцбрунна можно было встретить двух русских приезжих. Один из них, немеский сутулый человек лет тридцати пяти, судя по бледному лицу и медленной, усталой походке, был болен. Каждое утро он приходил к лесному колоду и пил кислую зальцбрунскую воду. Потом отправлялся на прогулку по гористым окрестностям.

Это были Виссарион Григорьевич Белинский и Иван Сергеевич Тургенев. Их знакомство завязалось четыре года тому назад, когда Тургенев принёс знаменитому критику свой первый рассказ в стихах «Параша», изданный отдельной книжкой в Петербурге. Белинский сразу признал в авторе «Парашу» необыкновенный поэтический талант. «Верная наблюдательность», — писал он тогда в своей рецензии, — глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, язвущая и топкающая, под которой скрывается столько чувств, — всё это показывает в авторе, кроме дара творчества, сила нашего времени...»

Знакомство начинающего писателя с прославленным критиком вскоре перешло в дружбу. Виссарион Григорьевич чутко следил за ростом молодого писателя. О новых статьях, переводах и поэмах Тургенева он отсылался сужу и сдержанно. Но когда в журнале «Современник» появился рассказ «Хорь и Калиныч» со скромным подзаголовком «Из записок охотника», критик выпалил приветственное письмо Тургеневу, находящемуся тогда в Германии: «Вы сами не знаете, что такое «Хорь и Калиныч»? Это ваш настоящий род. Судя по «Хорю», вы далеко пойдёте. Найдти свою дорогу, узнать своё место — в это всё для человека, это для него значит складывать самим себе. Если не ошибаюсь, ваше призвание — наблюдать действительные явления и передавать их, пропуская через фантазию, но не опираясь только на фантазию... А «Хорь» вас высоко поднял — говорю это не как моё мнение, а как общий приговор».

В том же письме Белинский сообщил, что врачи советуют поехать на воды в Силезию. Зная, как близко принимает к сердцу Тургенев события литературной жизни России, он прибавил в конце письма:

«Гоголь сильно покарал журналистов: мие и разрушил по всем направлениям; даже друзья его — и те отступились, если не от него, то от гусиной его книги...»

Белинский являлся на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В этом произведении Гоголь отрёкся от своих идей и выступил в защиту крепостничества. Через два месяца по отправлении письма Виссарион Григорьевич приехал в Берлин и оставался у Тургенева. Они вместе побывали в Дрездене, где осмотрели картинные галереи, а потом на продолжительное время обосновались в Зальцбрунне, куда вскоре прибыл и П. В. Анненков, человек странноватый автор, прозванный в кругу друзей «сплигиром с котомкой».

Беседы о родине, о русской литературе обдавали Анненкова, Тургенева и Белинского. Различные по характерам и во многом не схожие по убеждениям, они вместе грустили или радовались, когда речь заходила о скандальных силах народа-богатыря, о великом, но ещё немногочисленном народе России. Белинский, любивший «сплигиром с котомкой» на общих либеральных фразеях, тот быстро сбивался в растерянно разводя руками. Тургенев спешил возразить, и тогда Белинский, прищипывая плечики глаза, говорил несмешливо, с такой ноткой в голосе:

— Защищайтесь, мальчишка, я вас в угол поставлю!

В таких случаях Анненков удиротворяющие качал головой, призывая к спокойствию, и говорил, что бурные споры вредят здоровью.

— Могут же умереть, для моего здоровья совершенно необходимо бранить кого-нибудь, — возражал Белинский.

И спор разгорался, страстный, всеобъемлющий спор. Часа через три — четыре он неизменно оканчивался торжествующими словами Виссариона Григорьевича:

— Ну вот, милостивый государь! А вы говорили: дворяне должны заботиться о народе, помещики, дворяне, должны исправиться! Горбатого могила исправит. Так-то.

Однажды, обеда в курортном ресторане, Белинский обратился анненкову на тугого человека, тиву ливо и с важным видом что-то проповедовал своим собеседникам. Виссарион Григорьевич, плохо понимавший местное наречие, обратился к Тургеневу:

— О чём, любезный зять, толкует этот аполлоновский колбасник? Должно быть, о том, как бесполезно создан мир божий!

— Иреквет мудрости, достойные примечания, — усмехнулся Тургенев. — Кажется, это здешний литератор... Я, говорит, люблю прогресс, но прогресс умеренный. Да и в нём больше люблю умеренности, чем прогресс!

Плюс Белинского жалился, словно ему стало жёло.

— Заплавлять готов от досады, — воскликнул он, — что не могу ответить этой душе на его диалекте: я, мол, люблю суп, сваренный в горшке, но и тут я больше люблю горшок, чем суп! И эти глупые филістеры благодарят, когда другой ничего неслыханного! О народ, скривший из остатков в обрешку! Какое ужасство!

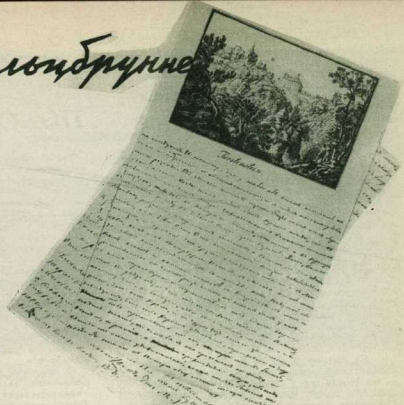
Негодование Белинского не было предела. С тех пор, когда Тургенева или Анненкова особенно азамушали выходы немецких бюргеров, они только обменивались взглядами в потрош:

— Прав Белинский!

Тургеневу необходимо было поехать по Франции. Перед отъездом Иван Сергеевич преподнес все другие рассказы, ахвившие в «Записки охотника». В лице «гуляющего» пометки Пленочкина из рассказа «Бурмистр» Тургенев задеблал позором барское самоудуствие и произвола.

Оба Пленочкина произвёл на Белинского столь сильное впечатление, что он перебрал чтение рассказа, воскликнул:

— Что за мерзавец с тонкими вкусами! Когда Иван Сергеевич дочитал последнюю страницу, Белинский подошёл к нему и мол-

Автограф письма В. Г. Белинского к жене из Зальцбрунна.

ча пожал ему руку. Для писателя это было самой большой наградой.

Оставшись в Зальцбрунне один, Белинский и Анненков тоже стали готовиться к отъезду. Но их ещё на некоторое время задержало неожиданное письмо от Николая Васильевича Гоголя. Писатель, удручённый резкой рецензией Белинского на «Переписку с друзьями», просил отнестись к этой книге беспристрастно и недоумевал, чем он мог вызвать такое несправедливое критика.

Виссарион Григорьевич, пробежав глазами строки письма, изменился в лице и проговорил авзалованно:

А, он не понимает, за что люди на него сердятся, — надо растолковать ему это — я буду ему отвечать.

На круглом столе в комнате Виссариона Григорьевича снова появились бумага, перья, чернильница, убравшиеся Анненковым от стола.

Три дня Белинский писал ответ, писал с тем сосредоточенным напряжением, которое не покидало его в Петербурге при работе над срочными статьями для «Отчужденных записок» и «Современника». Окончив черновик, он переписал его чистото и потом сина копия с чистового экземпляра. Видя, с какою тщательностью относился Белинский к своей работе, Анненков догадывался, что это письмо далеко выходит за рамки частной корреспонденции. Кончив писать, Белинский прочитал его вслух. Предположение Анненкова оправдалось.

«Письмо к Гоголю» содержало в себе обвинительный акт против самодержавия и крепостничества; оно развёрнуто программой дальнейшей освободительной борьбы в России.

«Самые жалкие, современные национальные вопросы в России теперь, — писал Белинский, — уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть... И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давший ей возможность взглянуть на самую себя, как будто в зеркале, — является с книгой, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег. И это ли не должно было привести меня в негодование?»

Говорит о всеобщем осуждении, которому подверглось в России последнее произведение Гоголя, Белинский указывает, что «публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спаси-

лей от русского самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловерной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя ещё в зародке, свежего, здорового чувства, и это же показывает, что у него есть будущее. Если вы любите Россию, — заключает Белинский, — порадайтесь вместе со мною падению вашей книги!..»

* * *

В скором времени, как и было условлено, Тургенев и Белинский повстречались в Париже в отеле «Мишо». Тургенев, уже не раз бывавший в этом городе, знакомил Белинского с достопримечательностями французской столицы. Однако, проходя по площади Согласия, где во времена революции стояла гильотина, Тургенев упомянул, что на этой самой площади была отрублена голова Людовика XVI.

Белинский рассмеялся, взглянув широко, гладко вымышенное заглавие и сказал мечтательно, даже нежно:

— А какая чудесная вещь — сцена казни Остапа в «Тарасе Бульбе»? Вы помните: Батько где ты? Салышны ли ты меня?..

— Ну, нет, — рассмеялся Тургенев, — вы положительно несправедливы! Когда в Дрездене мы стояли перед «Мадонной» Рафаэля, вам пришла в голову мысль о поэзии Пушкина! А баррикадные мостовые нависают над вами о Гоголя!.. Послушайте, Белинский, неужели вы без волнения прошли эту площадь?

Внимательно посмотрев на спутника, Белинский ничего не ответил. Ранние морщины на лбу Тургенева разгладились, и в углубках губ застали улыбка ребёнка, готового к шалости:

— А что, Белинский, правду ли говорил Мишель, будто слышал от вас суждение об этом событии — «важно и весьма приставительно»?

Белинский недоумённо качнул брови.

— Будто сказывали вы, — с нарочитой небрежностью продолжал Тургенев, — что будто вы на месте главнейшей революции, то трижды казнили бы французского короля!

Тени идеалистической дилеммы пронизывали по лицу Белинского, а когда сквозь широкий просвет ушло солнце, Тургенев был поражен суровым выражением этого лица.

— Но, должно быть, Мишель ушёл, — неуверенно закончил он. — Столь кровавые намерения...

— Бакуни сказал правду, — резко перебил Белинский. — Так говорил я в те годы, так думаю и сейчас. Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделяться от него железной короной и пурпуровой мантией, на которой видна кровь первого человекоубийцы? Гельгель мечтал о конституционной монархии, как наследие государства, — какое унылое понятие! Нет, не должно, вовсе не должно быть монархов!

— Но казнь — это ужасно! — пришептывая от волнения, ахнул Тургенев.

— Казнь — это честное и справедливое! — отрезал Белинский. — Я свято верю, что наступит в России день... когда...

Белинский не смог доказать своей мысли. Жесткий приступ кашля заставил его отступить.

В горестном молчании Тургенев встал друга под руку. Тихо, бережно вёл он Белинского к молчаливой уличке к отелю «Мишо».

В Париже Белинского навещала Александр Иванович Герцен. Он эмигрировал из России, чтобы продолжать свою революционную деятельность. Встреча двух русских борцов за свободу омрачилась тревогой. Герцен создавал, что наступают последние дни «неистового Виссариона». В глубоком волнении переключился он копию бессмертного «Письма к Гоголю». За высокими венецианскими окнами гостиныя спускались сумерки.

Когда Белинский вышел в другую комнату, Герцен склонился к Анненкову и, понизив голос, сказал:

— Это гениальная вещь, да это, кажется, и заведение его...

* * *

Тургенев и Белинский простылись в Париже навсегда: через несколько месяцев он возвратился в Петербург Белинский скончался.

М. ЗАГОРСКИЙ

ПОБОРНИК РУССКОГО ТЕАТРА

Значительна была работа Белинского в области русской театральной критики.

Начиная со статьи об искусстве трагедии В. А. Каратыгина в 1835 году и кончая некрологом по смерти Мочалова в 1848 году, Белинский посвятил драматургии и театру 150 статей и заметок, написанных с поразительным проникновением в природу и смысл театрального искусства.

Уже в первой своей большой статье — «Литературные мечтания» — Белинский воскликнул: «Театр! Любите ли вы театр так, как я люблю его, т. е. всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем изступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений извне?»

О том, что русский театр был для Белинского не мечтой, а реальностью, свидетельствует его исключительная любовь к актеру школы Гоголя — Михаилу Семёновичу Щепкину. Белинский воздвиг памятники гению Мочалова в статье о Гамлете. Но всё же представлятель совершенной актёрской игры, сочетавший владение с мастерством, считал он М. С. Щепкина, создателя русской школы сценического искусства, воплотителя образов из произведений Грибоедова, Гоголя и Пушкина. В лице Щепкина он видел не только актёра, но и значателя той системы сценического мастерства, которое стремится предельно верно воплотить идеи автора и пьесы.

В области русской драматургии Белинский первый поднял знамя Гоголя, защитил и пропаганде театр которого Белинский отдал свои лучшие страницы. В «Ревизоре» и «Женителе» Белинский увидел ту мощную и самобытную национальную драматургию, к которой он призывал с первых же своих статей. «Ревизор» был грозным обвинительным актом, предъявленным помещицкой, дворянской опеке над боравощённым народом, и говорил о том, что когда-нибудь придет не Хлестаков, а подлинный ревизор и учинит суд и расправу над грабителями и утесителями всех

званий и чинов. Вот почему эта комедия была особенно дорога Белинскому, а след за ним Чернышевскому и Добролюбову. Белинский вёл бой за театр Гоголя со всеми его противниками и прежде всего с бугарщицами из «Северной Пчелы» и «Библиотеки для чтения», увидевшими в творениях Гоголя угрозу официальному «благополучию» в жизни и литературе. Это сравнение Белинский был с блестящим искусством страстного полемиста, и именно ему в многом обзаводы драматического произведения Гоголя своими утверждениями на сцене.

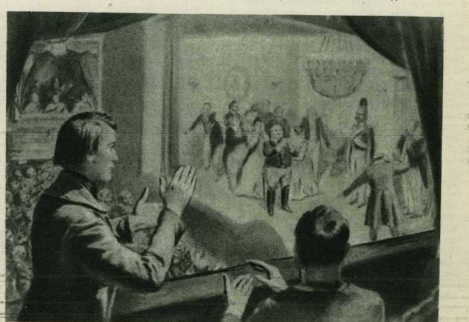
Высоко оценил Белинский и «маленькие трагедии» Пушкина, из которых «Маленького гостя» считал «перлом всемирно-человеческой литературы».

Рядом с Гоголем и Пушкиным Белинский поставил Грибоедова как творца «грома от ума».

Утверждая великую русскую национальную драматургию, Белинский одновременно разоблачал псевдонаторность многих пьес Полевых, Кукольников, Ободовских и других.

В истории русского театра и русской театральной критики статьи Белинского остаются до сих пор не только драгоценными документами прошлого, но и поучающими примерами глубоко-вдумчивого отношения к искусству. В статьях Белинского современные деятели театрального искусства и читатели находят ответы на многие волнующие вопросы культуры и искусства и в особенности на вопрос об отношении писателя к современности. «Свободе творчества», писал Белинский, — легко согласуется со служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, наслаивать фантазию, для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи... С этой мыслью Белинского переключается его же утверждение, что каждый истинный писатель должен «сочувствовать своему отечеству, разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями».

Рисунок художника Б. Лебедева

На представлении «Ревизора».

УЛИЦА БЕЛИНСКОГО...

В 1911 году — в сотую годовщину со дня рождения В. Г. Белинского — в одном журнале, в самом конце номера, а раздельно, набранные мелким шрифтом. Одна заглавная: «О жизни создателя Севериной Америки», другая — «Чембар». В этой заметке сообщалось о случае, который произошёл много лет назад и, по мнению журнала, выдвигая Чембар из ряда уездных городов. Дело в том, что, путешествуя по России, Николай I удостоил своим посещением города. Правда, посещение было вынужденным: в дороге, у Чембара, карета царя опрокинулась, и Николай со слезами сплутчи. В Чембаре он пролежал три недели. В знак благодарного изчисления император решил оставить память о себе. По высочайшему повелению на главной базарной площади был выстроен храм божий, а чуть подальше — острог.

Рассказывают, что когда «отцы города» явились для представления к государю с изъявлением своих верноподданнических чувств, Николай, лёжа в кровати и морщась от злости, заметил:

— Знаю я по голубоскому «Рензвору»... Так в раздле «Смесь» был отмечен Чембар — родина сиевостоя Виссариона... в сотую годовщину со дня рождения Белинского.

Четвёртую — предположительно — старую обывательскую жизнь, пилую и сточую, как болото.

Пыл поднималась в сорам туманом стояла над огромной площадью, заставляющей радужно лавок, навесов, телег. Звонкие выкрики прикриков, степенные, умеренные голоса покупателей, лай собак, лошадиное ржание — всё это смешивалось в один общий гомон, который, как туман, стоял над площадью. Колокольный звон, гусские церковные пение, даж кандалов вносили свою долю участия в общий шум толпа. Катожане отблжали площадь, проходили Московской улицей. Дальше путь шёл в Сибирь.

Московская улица... Верней бы её назвать Кулеской. Она выходила на Базарную площадь своими лавками, магазинами, колбасными, трактиром. Каждый дом был портретом своего хозяина.

С угловое исправнического дома, откуда начиналась улица, в полдень, когда прогонили каторжанок, выходила дорожная исправница в ахиллов пласть, с белым кружевным зонтиком. Её появление было своеобразным сигналом для обывателей Московской улицы.

Из лавок, что были в нижних этажах, появлялись приказчики и хозяева. На вторых этажах наскоро убравшись, с подоконников галантерее заросли в горшках, и в окнах появлялись физиономии детей. Купчихи, шеголая одна перед другой атласными платками и шалями пересидками, выходили к воротам.

Московская улица... Дома и мануфактурные магазины братьев Алексеевых, купца Рогожаникова, двухэтажный с балконом дом и лавка Антошина, его же — трактир с садом, заведение самого грязного и низшего сорта, обитое тёмом и тесовой аркадой, окружённое брешком с садом, за ним дом кушачника Белинского, дальше — рыбоотговора Карасёва и следом лавки, лавки, лавки Голубовых, Устиновых, Шугаевых — первой и второй гильдии купцов. Того, сплетней, злой и злой, астошными пылыми криками, побирами и драками, звоном бьющейся посуды — этим наполнялась жизнь Московской улицы.

И ведомым было купцу Антошину, что трактир он содержал а домике, где пролежал сестро Виссарион Григорьевич Белинский, как ведомым было журиалу отметить Чембар более достойным памятником, чем посещением Николая Палкина.

Прошло больше 130 лет, как жила на Московской улице маленький Виссарион, но первые сто из них не изменили жизнь ни улицы, ни

Старший научный сотрудник Музея В. Г. Белинского в Чембаре Ф. А. Забнев выступает перед молодежью улицы Белинского с лекцией о жизни их великого земляка.

Фото Г. Александрова.

города. Зато 30 лет советской власти изменили жизнь не только города, улицы, но и людей, людей нового класса — советских людей.

Московская улица... Сейчас она носит имя Белинского. И маленький деревянный домик, обитый тёмом, сейчас берожо сохраненности горячими почитателями Белинского. В нём сейчас Государственный музей. Это — создание Александра Ивановича Храмова, нынешнего директора музея, человека, который постылся при Белинских. Лет пятнадцать назад он приехал в Чембар и по крохам, по часам на свои личные деньги, начал собирать музей. Он достал мебель того времени, получил деньги на ремонт, достояние, достояние коммат, как было при Белинских. Трудно перечислить всю колоссальную работу, которую проделал он вместе со своим помощником, тогда ещё комсомольцем Фёдором Алексеевичем Забневым. В 1938 году музей был открыт, и с этих пор в помощниках нет недостатка у Храмова. Ежедневно в маленькую комнату — директорскую Виссариона — приходит 10—20—30 человек, не экскурсантов (их много больше). Из колхозов имени Карла Маркса, что в селе Вяземские, где бывал Виссарион Григорьевич, пришли советовать насчёт колхозного музея; представитель сельсовета, молодая девушка, требует обязательно настоящего, т. е. подлинного, текста письма Виссариона к отцу. Из парткабинета, который, кстати, находится рядом, в бывшем доме купца Антошина, просит сделать инструктивный доклад на семинаре пропагандистов и агитаторов о жизни и деятельности великого земляка; на колхоза имени Белинского к Храмову пришла делегация — шесть людей — звание Белинского. Они три дня подряд ходят в музей, но только сегодня решимся обратиться к самому Александру Ивановичу.

— Нам для полнейшей коммат нужен разовый портрет... Мы заплатим. Соберём деньги, сколько нужно, и пришлём...

Улица Белинского... Приведём лишь короткую справку. В доме исправника — районная аптека и лаборатория. Рядом, где начинались купеческие дома и лавки, — бирочный суд, наркомат, партияком. Рядом музей, затем районная колхозная школа, жилище дома горсоветов, за ними горсовет и снова жилище дома. В конце улицы, у бывшего губернского тракта — купеческий магазин. Напротив, рядом с бывшим острогом, который заново перестроен и в котором ныне Дом Советов, стоят огромные здание Дома культуры имени Белинского. Низку большой зрительный зал, наверху библиотека и читальный ионим Белинского.

Мы же случайно начали рассказ о новой улице с Домика-Амвара. В эти дни город и район (и, конечно, другие районы тоже) полны Белинскими.

В Доме культуры, в актовом зале, педагогическое училище проходит большие чтения, интересно прошёл вечер, посвящённый личности Виссариона, в районной колхозной школе.

Здесь мы познакомились с сегодняшними обитателями улицы Белинского. В этой школе обучаются будущие колхозные агро- и зоотехники, счетоводы. В общешкольной на одном из столов пахал Елисеев «Хожение по мукам», «Слутчик», избранные произведения Бальзака, учебники по бухгалтерии, хрестоматия по русской литературе XVIII века. Это круг чтения Алексея Стржаниха — будущего счетовода колхоза «Комбинат». Рядом ружья бунта, вырезки из газет, кисти. Он редактор стеной газеты. Это его комсомольская «профессия» и в колхозе, где он работал конюхом.

Алексей Стржаних рассказал. Он начал с истории:

— Нам село — Тарханы (теперь Лермонтово). Здесь это ничего не говорит? — Постояйте, постояйте! — примонимам мы. — Да ведь это...

Ну да! Поставьте Арсеньеву, бабунки Михаила Юрьевича. У нас в селе порт проявил своё детство, а здесь, в Чембаре, в дубовой роше, в «Дубках», он писал своих «Черкесов».

Так начался разговор. Продолжался он долго. Алексей Стржаних рассказывал о перспективах колхоза, о садах и парниках, прудах для рыбы и пасаеж, об элекотрастации в колхозном Доме культуры имени Лермонтова.

— Вы не пойматите, что это колхозно лавки, — строго презумерали он. — Комсомольцы осенью построили своими силами слосную больницу, сейчас две комсомолки возглавляют овния высокого урожая, осенью закладывают новый сад... Как видите, всё, что и сказал, — дела ближайших лет.

Улица Белинского... Недавно райком комсомола созвал интересное совещание. Он пригласил молодежь одной улицы. Доклад «Улица Белинского раньше и теперь» сделал старший научный работник музея Фёдор Алексеевич Забнев. Потом выступили комсомолы и рассказали, как они готовятся к 7 июня — столетию со дня смерти Белинского, — что читают, как учатся. Сколько здесь было разнообразных профессий: курьеры, библиотечники, уапшес средних школ, педучилища, районной колхозной школы, мекарфонной школы механизации, мастера премокомбината, работники горсовета, райкома комсомолки, учителя, фелдшер... Вот они, новые обитатели улицы Белинского!

В горсовете нам рассказали. Базарную площадь заполнит праздничная толпа. Это будет в полдень 7 июня. На трибуну, стоящую рядом с музеем, украсенную цветами, поднимется старейший жател Чембара — столетний колхозник Василий Родионович Хватов. Он, советский человек, откроет митинг, посвящённый светлой памяти Виссариона Григорьевича Белинского — неинетного борца за свободу и счастье своего народа.

Город Чембар.

НОВОЕ В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Революционный демократ Белинский занял почётное место в истории русского освободительного движения: пламенный патриот, он в своих публицистических, литературно-критических статьях в 30–40-е годы прошлого века боролся с царизмом, с крепостничеством, возмущал многие поколения страстной верой в великое предназначение русского народа, ненавистью к деспотизму, любовью к свободе и демократии.

Белинский заложил основы русской демократии реализма в критической эстетике. Вместе с Герценом он боролся с реакционной идеалистической философией во имя материализма.

К столетию юбилею Белинского советские литературоведы готовят ряд работ. Начнут выходить томы полного собрания сочинений Белинского, куда войдут сотни статейных и старых журналах статей великого критика, ранее не включавшихся в издания его сочинений. Выйдет также трёхтомник с приложением избранных пьес. Впервые появится монография Нечаевой о молодом Белинском, об его школьных годах, о становлении личности гениального критика в тяжёлых условиях провинциальной жизни; эта книга написана на основании архивных материалов Чембаря и Пензы, где пролегли ранние годы Белинского.

Новые данные, извлечённые из архива Московского университета, читатель найдёт в книге М. Полякова о Белинском-студенте, о его трагедии «Дмитрий Калинин», о его бытовом и литературном окружении в московский период — с 1829 по 1839 год, — о творческой работе Белинского в журналах «Телеграф», «Московский наблюдатель», где блестяще проявилось дарование Белинского — литературного и театрального критика.

Коллектив научных работников Института мировой литературы

имени Горького подготовил в печать под моей редакцией обширный сборник статей о Белинском — истории и теоретической литературы. Здесь на громадном материале утверждается классическая роль Белинского — критика-социолога, эстетика-материалиста, — его значение для величайших представителей русской художественной литературы, общественной мысли, его влияние на коммунистических деятелей, его прогрессивные взгляды на мировые писатели, ставшие Белинским неизмеримо выше крупнейших критиков Запада в их истоконаниях Байрона, Гёте и др.

Сотрудники отдела рукописей Библиотеки имени Ленина подружились к печати под моей редакцией сборник неизвестных писем Белинского и переписки с ним его друзей, знакомых,

школьных товарищей. Этот материал особенно необходим для биографии Белинского.

Том «Литературного наследия», посвящённый Белинскому, с общей предосторожностью для издания Пушкинского дома даёт много ценных новых материалов, извлечённых из московских и Ленинградских архивов: письма и неизвестные статьи Белинского, оригинальные исследования о Белинском — всё это по-новому осветит многие страницы жизни и деятельности «ненстового Виссариона».

Столетняя годовщина смерти Белинского демонстрирует и величие русской национальной культуры и непрерывный рост советской науки, обогащённой славными традициями прошлого и прокладывающей новые пути под знаменем марксизма-ленинизма.

Н. Бельчиков — Наш Белинский.
В. Нечаева — Юные годы.
Г. Кулиси — Ленин о Белинском.
В. Садовский — «Ястребок».
А. Цейтлин — Основоположник русской критики.
Лёв Пагирев — Ненстовый, живой...
А. Одинцов — На родине В. Г. Белинского.
Ф. Головенченко — Белинский и Запад.
В. Болдин — К юбилею великого земляка.
Б. Земленков — Памятные места.
Е. Ухалов — В Московском университете.
К. Орешкин — Лето в Зальцбурге.
М. Зегорский — Поборник русского театра.
А. Одэр — Улица Белинского.
Н. Бродский — Новое в советском литературоведении.
Белинский в воспоминаниях современников.
Первая страница обложки: В. Г. Белинский в молодости. Портрет работы художника Б. Лебедева.
На четвёртой странице обложки: улица Белинского в Москве. Фото Г. Борисова.

Оформление номера художника В. Уриана.

ВИКТОРИНА

1. Кто сказал о Белинском: «Его можно любить или ненавидеть — середины нет?»
2. Как называется первое драматическое произведение Белинского?
3. В каком журнале впервые начал печататься Белинский?
4. «Учитель! перед именем твоим Позволь смиренно преклонить колени». Кому принадлежат эти строки о Белинском?
5. В каких учебных заведениях учился Белинский?
6. Встречался ли Белинский с Пушкиным?
7. Где произошла самая знаменательная встреча Белинского с Лермонтовым?
8. Как называлась первая критическая статья Белинского?
9. Сколько критических статей написал Белинский о произведениях Пушкина?
10. Какому русскому артисту посвящена самая известная статья Белинского о театре?
11. О каком великом поэте Белинский писал: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого?»
12. Названиями каких двух рек воспользовался Белинский в своей критической статье, чтобы подчеркнуть сходство между героями двух гениальных русских писателей?
13. О каком журнале писал Белинский: «Умру на журнале и в гроб велико положит под голову книжку...»?
14. С каким великим артистом Белинский совершил своё последнее путешествие по России?
15. Белинский всю жизнь страстно любил книги. Известна вам судьба его библиотеки?
16. Какие великие русские писатели оставили воспоминания о Белинском?
17. В каких двух городах протекала творческая жизнь Белинского?
18. За чтение и распространение какого произведения Белинского царское правительство карало каторгой?
19. В стихах какого поэта высказывается мечта о времени, когда творчество Белинского станет достоянием народа?
20. Где находится железнодорожная станция «Белинская»?

Студент 5-го курса Пензенского художественного училища Григорий Малов готовит к юбилею Белинского скульптурный портрет великого критика. На снимке: Григорий Малов за работой.
Фото Г. Александрова.

